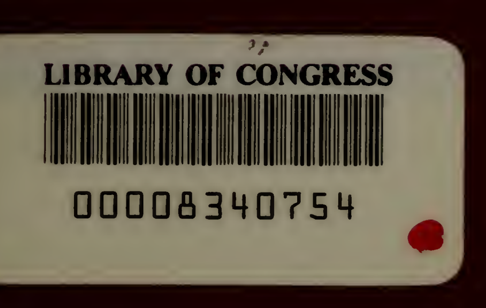

LIBRARY OF CONGRESS
00008340754

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

Titova, Elizaveta Ivanov
Ol'ga

ОЛЬГА

или

ТОРЖЕСТВО ВѢРЫ.

ПОЭМА

въ четырехъ пѣсняхъ.

Россійское сочиненіе Е. И. Титовой.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

типографіи Департамента внѣшней торговли, 1813 года.

Печатать позволяется.

С. Петербургъ Октября 30 дня 1813 го

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и

Иванъ Тимков

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Всемогущь Зиждитель вселенной! Одно Его мановенiе удобно оную воздвигнуть и разрушить, сколькожъ благотворителенъ и милостивъ, всечасно зримъ тому примѣры! Когда гнѣвъ Его ужасенъ, то милосердiе Его усладительно; смертный предъ Нимъ, яко пресмыкающiйся червь, но любовь Творца ежеминутно печется о благѣ его. Онъ повелитъ, и вселенная падетъ! Онъ взоръ Свой обратитъ, и мертвыя оживутъ! за всѣ благодѣянiя Свои, чегожъ Онъ требуетъ отъ насъ? Любви и вѣры! Спаситель мiра! Тобою мы живемъ, Тобою научились, Тобой блаженствовать мы будемъ! Лучь христiанства, озаряющiй правовѣрныхъ, содѣлываетъ ихъ мудрыми и благими; и естьли не въ здѣшнемъ бренномъ мiрѣ, то въ вышнихъ селенiяхъ; въ чертогахъ небесныхъ щастiе ожидаетъ ихъ. Утѣшься страждущая добродѣтель, святая надежда сопутствуетъ тебѣ; тамъ, тамъ обьятiя Всемогущаго Отца ожидаютъ тебя.

Въ горныхъ селенiяхъ, среди эфирнаго неба, окруженныхъ лазуревымъ сводомъ и украшенныхъ присутствiемъ немерцающаго свѣта;

не нужно тамъ ни солнца, ни луны, ни иныхъ свѣтилъ небесныхъ. Сіяніе Божества, источникъ славы освѣщаетъ все; небо есть Престолъ Превѣчнаго, земля подножіе, звѣзды слуги, а зракъ Его, есть зракъ милости и блаженства! величіе Его, какія уста смертныхъ описать могутъ? . . . . Перо изъ рукъ падетъ, затмятся мысли и разумъ человѣческій постигнуть того не можетъ! Что сравнится удобно съ чертогами селеній сихъ? — Прозрачные столпы нѣкоего драгоцѣннаго вещества окружаютъ ихъ, сіяніе тихое и лучезарное пріятнѣе солнца освѣщаетъ блаженныя сіи мѣста; благотворный воздухъ прохлаждаетъ оныя. Нѣчто божественное неудобопонятное человѣческому уму разливается по сводамъ симъ; небесныя уже, а не земныя красоты тамъ повсюду зрятся! врата чертоговъ сихъ составлены изъ веществъ представляющихъ неизвѣстные земнымъ жителямъ стихіи, помосты и переходы вылиты изъ дивнаго металла превосходящаго чистѣйшее злато, — каждая храмина исполнена жителями небесными, поющими всечасно хвалы Всевышнему! Одна изъ нихъ превосходящая всѣ прочія вмѣщаетъ въ себѣ божественную Дѣву паче всѣхъ женъ прославленную; но храмина достойная удивленія есть та, гдѣ зрится Престолъ, отъ коего зависятъ судьбы міровъ! Всевышній тамъ и сопричаствующія Ему лица. Престолъ Его яко лучезарнымъ и

молніеноснымъ облакомъ осѣняемъ завсегда премудростію превѣчнаго Слова — кто изочтетъ премудрость Господа? она съ Нимъ есть и въ вѣки пребудетъ! Песка морскаго, капли дождевыя и дни вѣка кто изочтетъ? Высоту небесъ, глубину земли и бездну, кто изслѣдитъ? *Прежде вѣкъ создася премудрость и разумъ мудрости отъ вѣка.* Источникъ премудрости Слово Вышняго Бога! и шествіе ея заповѣди Его. Единъ есть премудръ, страшенъ зѣло, сѣдяй на престолѣ Своемъ Господь неба и земли, изліявый ея на вся дѣла Свои! — Онъ даретъ ее любящимъ Его. Страхъ Господенъ, слава и похвала! Онъ есть веселіе и вѣнецъ радости! Страхъ Господенъ даръ отъ Господа! Онъ на стезяхъ любви къ Нему поставляетъ; — любовь ко Господу преславная премудрость, — начало премудрости бояться Господа—соблюдать заповѣди Его — и Господь подастъ познаніе ея тому, кто благодати Его достоинъ. Въ семъ сіяющемъ облакѣ, невидимая десница начертавала огневидными чертами: *ищите и обрящете толцыте и отверзится вамъ* Господь міровъ, облеченный свѣтомъ, яко ризою — восходитъ по облакамъ и повелѣнія Его жителямъ вселенной возвѣщаются Ангельскими духами яко крила вѣтренняя. Щастливый смертный, удостоившійся милости Его и ищущій Превѣчнаго, да воспроситъ: небесныя міры — бездны морей, и неизвѣстныя страны — гдѣ Богъ? Онъ близъ

тебя, Онъ въ сердцѣ твоемъ, речетъ ему Господь! Какъ назову его? какое имя дамъ сему Творцу вселенной? Все мало предъ Нимъ — все недостойно величія Его — да назову Его — другъ человѣка; се имя приличное неизчислимымъ благодѣяніямъ Его! О Ты, который содержишъ въ десницѣ Твоей судьбу вселенной — превѣчный свѣтъ! величіе Твое вчечасно зримъ...... палящее солнце, быстротекущія звѣзды, блѣдная луна, и не постижимыя планеты не все ли это есть дѣло рукъ Твоихъ? теченіе ихъ ты измѣрилъ...... все падетъ, горы подвигнутся и память ихъ истребится годами, пространный Океанъ изгладится съ поверхности земли, все изчезнетъ — но Ты благій! пребудешь вѣчно. Да возрадуется твореніе Твое — стезя его блестяща, она уготована премудростію Твоею, которая Избавителя назначила роду человѣковъ—да потрясутся бури да воздвигнутся громы, чего страшиться смертному — онъ пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ. Предъ престоломъ симъ, ликъ Ангельскій, безчисленная тьма Херувимовъ и Серафимовъ всечасно предстоятъ поя: Святъ, Святъ Господь! Превѣчный кроткимъ окомъ на всѣ дѣла Свои зритъ десница Его управляетъ вселенной! Когда Онъ вѣщаетъ, то небо и земля гармоніей небесной наполняются; когда молчитъ, то всѣ міры подвластные волѣ Его, ожидаютъ съ покорностію, что Онъ повелитъ. Добродѣтели въ видѣ юныхъ прекраснѣйшихъ дѣвъ пред-

стоятъ съ умиленіемъ и наипріятнѣйшею кротостію предъ Царемъ Царей! Одна изъ нихъ любезнѣйшая Вѣра, кажется смущенна, чело ея покрыто прозрачнымъ покрываломъ, и очи потупленныя къ земли исполненны печали.

Господь возвелъ взоръ Свой на нее, и какъ будто молніею озарилъ блескъ ея очей. Любезнѣйшая дщерь, изрекъ Онъ ей, почто вижду Я тебя смущенну? вѣщай печаль свою; надежда да озаритъ тебя, а милосердіе Мое исполнитъ желаемое тобою. — При сихъ словахъ, ликъ небесный умолкъ! Господь речетъ и всѣ съ благоговѣніемъ внимаютъ гласу Его! .... Тогда святая дѣва простершись предъ подателемъ благъ, и возведя очи свои къ небесному Владыкѣ, со умиленіемъ вѣщала: Отче мой! не могу безъ печали зрѣть, что всѣ уже почти края земные, а наипаче просвѣщеннѣйшія изъ нихъ страны исполнены прямою вѣрою къ Творцу своему! лучь христіянства озаряетъ всѣ страны; жестокіе Галлы, грозныя Готфы, дикіе Гунны, бранноносные Цимбры, Вандалы и Сарматы, всѣ признаютъ Владыку своего, всѣ изъ грубаго невѣжества содѣлались народами благочестивыми; они приняли святое крещеніе и отреклись съ презрѣніемъ отъ мерзскаго поклоненія идоламъ. Одна изъ нихъ лишь только, страна наилюбезнѣйшая мнѣ, сосѣдственная съ первыми моими братіями древнимъ почтеннѣйшимъ народомъ Греческимъ

еще находится во мракѣ гнуснаго идоложертвованія. Повели источникъ благъ! да сія Сѣверная страна и сей добрый и честный народъ, Славянами имянуемый озарится христіянствомъ, будетъ покоренъ волѣ Твоей и познаетъ Творца своего!

Божественная дѣва умолкла. Превѣчный мановеніемъ руки своей, велѣлъ ей востать, и умилительнымъ гласомъ вѣщалъ ей тако: утѣщься дщерь моя! время уже приспѣло, и сей тобою столь любимый народъ, вскорѣ правовѣріемъ освятится. Гостомыслъ, мужъ пріятный мнѣ, добродѣтелью своею, будетъ первой отраслію знаменитаго поколѣнія, отъ рода его произойдетъ юная дѣва Ольга, внука его, и сія-то дѣва введетъ святое христіанство и познаніе истины, во области своей. Рожденный отъ сына ея Князь Владимиръ истребитъ лживаго Перуна, и водрузитъ благоносный крестъ на очищенныя имъ земли.

Господь умолкъ, и весь ликъ Ангельскій яко гласомъ трубнымъ, воспѣлъ достойныя хвалы ему. Лице Вѣры освѣтилось радостію, и небесный соборъ, удивился мудрости и предопредѣленіямъ Всевышняго!

Между тѣмъ, начальникъ обитающаго на Сѣверѣ Славянскаго народа, Великій Гостомыслъ изнемогаетъ подъ бременемъ лѣтъ и болѣзней своихъ, а наипаче томится духъ его, видя приближающуюся кончину дней добродѣте-

лію украшенныхъ, мятется сердце его; не о себѣ онъ помышляетъ, великая душа его не вѣчности страшится, но того, что оставляетъ онъ вѣрившій блаженство свое ему народъ безъ всякаго покрова. Онъ какъ добрый отецъ; печется о нихъ яко о чадахъ своихъ: кому, вѣщалъ онъ самъ себѣ, поручу я стараніе пещись о моемъ народѣ? На чью силу надѣяться я могу? Кто достоинъ управлять ими? Вадимъ, иль родственникъ мой Рюрикъ? ...... сей послѣдній кажется удобенъ болѣе снести тягость правленія и поддержать величіе Славянскаго народа! Вадиму же поручу я священнѣйшій залогъ, единственную дщерь сына моего юную Прекрасу: (Ольга сперва симъ именемъ называлась): тако вѣщалъ сей почтенный старецъ, и трепещущими устами повелѣваетъ гонцу поспѣшать въ Варяжскую землю, привести къ нему родственника его Рюрика съ братіями. Гонецъ отходитъ, и Гостомыслъ призываетъ къ себѣ Вадима и младую Прекрасу, *вѣрный мой Вадимъ*, рекъ ему украшенный сѣдинами мужъ, *я васъ оставляю; помни Гостомысла, слѣдуй путемъ добродѣтели и будь отцемъ дщери моей Прекрасы.* При сихъ словахъ юная отроковица прелестная какъ весенній цвѣтъ, упадаетъ на перси престарѣлаго друга своего, и обливаетъ чело его слезами, подобно какъ утренняя роса орошаетъ

крины украшающія плодоносныя поля....... *Будь мужественна Прекраса*, сказалъ ей Гостомыслъ, *я предвижу въ тебѣ великія дѣла, можетъ быть судьба предопредѣлила тебѣ просвѣтить Славянъ и узнать то, чего я самъ непостигаю. Смерть есть обыкновенный предѣлъ. Вѣчность можетъ быть наставитъ меня .... и научитъ познать отъ кого я живу ..... и къ кому итти долженъ .... Вадимъ мой другъ! тебѣ обще съ родственникомъ моимъ Рюрикомъ поручаю .... мой народъ; — будь другомъ имъ — оставь* .... При сихъ словахъ истощенныя силы старца пресѣкли речь его.... смертная блѣдность покрыла почтенное чело его — онъ умолкъ .... и душа его познала вѣчность.

По отданіи бреннаго тѣла его въ нѣдра земли общей матери смертныхъ, сопровождаемаго чистосердечнымъ рыданіемъ, лучшею похвалою народа, оросивъ его слезами и исполнивъ надъ нимъ тризну, Вадимъ беретъ въ домъ свой младую дѣву, утѣшаетъ ее и клянется ей прахомъ почтеннаго старца пещись о благѣ ея и быть ей вторымъ отцемъ и другомъ.

Златовидная Аврора растворивъ, распещренныя діамантами врата свои, принимаетъ

озаренный солнечными лучами день; блескъ животворнаго сего свѣтила прогнавъ тьму нощи оживляетъ природу лучезарностію своею; Славянскія поля покрываются тучною паствою. Жители Новагорода не осушивъ еще очей своихъ съ горестію объемлющею сердца ихъ о потерѣ общаго отца, близь озера Ильменя съ удивленіемъ взираютъ на приближающуюся къ нимъ скромную колесницу, предшествуемую гонцемъ Гостомысла. Всѣ ожидаютъ съ молчаніемъ — кто сии пришельцы; всякая новость занимаетъ обыкновенно народъ и пресѣкаетъ печаль . . . . . Три воина вдругъ представляются взору ихъ. Воинскія доспѣхи сколько украшали ихъ, столько и привлекали общее почтеніе и довѣренность. Не богатство одеждъ, но скромный и величественный видъ украшалъ Ироевъ. Единый изъ нихъ, паче прочихъ, возвышался предъ ними становитостію стана своего, кроткимъ видомъ и величественною поступью, въ очахъ его начертывалась мудрость соединенная съ мужествомъ, онъ отличался отъ братій своихъ доблестію одежды и красотою вида. Едва неприняли его Славяне за лжебога Свѣтовида пришедшаго утѣшить ихъ и ободрить; иные пали къ ногамъ его, другіе уже готовились принесть предъ нимъ обычное жертвоприношеніе; какъ вдругъ прибывшій туда Вадимъ громогласно воскричалъ: Рю-

рикъ! . . . . . и весь народъ палъ предъ нимъ, и единогласно возопилъ: Владыка нашъ! Рюрикъ съ милостію обнявъ Вадима и облобызавъ старѣйшинъ народа, рекъ Славянамъ: *Вы требуете, чтобы я управлялъ вами — Гостомыслъ почтенный родственникъ мой завѣщаетъ мнѣ сіе. Я здѣсь. и готовъ исполнить желаніе ваше — любить, и защищать васъ, принимаю я себѣ за священный долгъ! клянусь Перуномъ — что щастіе ваше чтить превыше своего я буду. Пусть онъ истребитъ дни мои, когда достойнымъ избранія моего я быть престану. А мы,* рекли Славяне, *всѣ покорными волѣ твоей пребудемъ. Ты нашъ общій отецъ и Князь Славянъ!* тогда Вадимъ при восклицаніяхъ обрадованнаго народа, ввелъ съ торжествомъ новаго Начальника своего въ градскія врата. Вшествіе сіе было благоговѣйно — Синавъ и Труворъ послѣдовали стезямъ брата своего, и обще съ нимъ въ сопровожденіи всѣхъ Славянъ вступили въ Новгородъ; потомъ въ Перуновъ храмъ; они пали предъ идоломъ и тотъ часъ воскурились жертвенники и олтарь лжебога окропился кровію тельцовъ. Весь Славянскій народъ сопровождалъ Князя своего до смиренныхъ чертоговъ Гостомысла, всѣ улицы, гдѣ было сіе знаменитое шествіе, усыпаны были благоуханными цвѣтами, а самый дворъ

устланъ былъ позлащенными тканями. Пиршество, гдѣ присутствовало смиренное веселіе и благочестіе, приличествующее кроткому народу и мудрому владыкѣ, продолжалось до самой нощи; тогда разные огни украшающіе домы жителей заступили мѣсто сіянія дня. Гармонія златострунныхъ арфъ еще раздавалась по Новугороду, какъ уже Славяне обыкшіе къ порядку погрузились въ сладкій сонъ, укрѣпясь надеждою благоденствія своего.

О нощь мечтательница смертныхъ! сколько посреди тишины твоей происходитъ скрытныхъ мыслей, отъ коихъ возраждаются намѣренія — и потомъ дѣйствія рѣшающія иногда судьбы царствъ. При томномъ свѣтѣ лампы уединившійся Вадимъ въ дому своемъ бесѣдуетъ съ невинною Прекрасой. Она вопрощаетъ его о прибытіи чужеземцевъ . . . . *Брегись отъ нихъ, о дражайшая дщерь моя!* вѣщалъ ей Вадимъ, *это Рюрикъ и братія его. Чегожъ мнѣ ихъ страшиться отче мой?* рекла ему прелестная отроковица *не избранъ ли Рюрикъ добродѣтельнымъ Гостомысломъ? онъ конечно честенъ, Гостомыслъ никогда ни ошибался . . . . . наружность его такова; О дщерь моя!* отвѣчалъ ей Вадимъ, *но сердце его властолюбиво, намѣреніи ужасны, вѣрь ты опытности моей — я*

предвижу что Славяне уже свободы своей лишились и впали подъ иго самовластія.....Горе отечеству моему, затмится слава ихъ! падетъ сильный сей народъ! ...... рыданія присѣкли гласъ его, и слезы оросили мужественное чело Вадима; *но покрайней мѣрѣ* — продолжалъ онъ, *я сохраню клятвы мои, коими клялс умирающему Гостомыслу. Клянусь еще о благѣ твоемъ рачить дочь моя. Нѣтъ!* — *ты рабою не будешь — благородная кровь течетъ въ жилахъ твоихъ — я избавлю тебя отъ неволи и исполню священный долгъ мой!* При сихъ словахъ онъ призываетъ къ себѣ почтеннаго вида жену украшенную приличною полу ея скромностію; пристойная лѣтамъ ея мудрость начертана была на пріятномъ лицѣ ея. *Се твоя наставница*, рекъ онъ младой Прекрасѣ, *слѣдуй за ней и удались отъ опасныхъ сихъ для тебя мѣстъ; а ты почтенная жена, храни дни Княжны и наставляй ее въ добродѣтели.* Отроковица слѣдовала за ней, какъ юная агница ведомая на закланіе ко олтарю Боговъ. Вадимъ благословилъ ее; облобызалъ — желѣзные затворы вратъ его, заскрипѣли — онъ самъ проводилъ ихъ за городъ, среди общей тишины и сопутствуемъ нѣжнымъ свѣтомъ томныя богини нощи, еще разъ благословя ее посадилъ въ изготовленную для того колесницу — и отпустилъ ихъ съ міромъ въ тихое и

никому не извѣстное убѣжище, гдѣ воспитывалась она подъ тщательнымъ надсмотромъ мудрой своей надзирательницы, наставляющей ее хранить добродѣтель и слѣдовать стезямъ истинной мудрости.

Устроивъ убѣжище Прекрасы, строптивый Вадимъ ни о чемъ болѣе непомышлялъ какъ о уничтоженіи власти Рюрика и возвышеніи собственнаго своего могущества. Часто бесѣдовалъ съ другомъ своимъ Вечеславомъ; — излiялъ онъ не единожды въ нѣдра дружества честолюбивые свои замыслы томящіе гордый духъ его. *Кто*, вѣщалъ онъ, *достоинъ болѣе владѣть Славянами какъ не я, отрасль знаменитаго Одоакра разрушившаго славный Римъ; той могущественной Имперіи кто противу стоялъ? Но сей Готскій Князь прародитель Славянъ — пришелъ туда — и оружіемъ его пало владычество вселенной! Не предки ли мои и самаго Кесаря Августа на величественномъ престолѣ его устрашили? Онъ запрѣтилъ сильнымъ легіонамъ своимъ сражаться съ единоплеменными братіями нашими Расколанами, говоря, что златою удою рыбу ловить онъ не хочетъ. Чье оружіе сильнѣе тѣхъ Славянъ, кои не единожды торжествовали надъ Юстиніаномъ знаменитымъ восточнымъ Кесаремъ? Не вышедшій ли изъ нашихъ лѣсовъ побѣдоносецъ Атилла наложилъ на весь западъ свои законы. Се любезный Вечеславъ знатность моего рода — величіе кров-*

ныхъ моихъ могу ли уступить владычество Славяно — Россовъ пришедшему чужеземцу? Начальнику морскихъ грабителей, звѣронравному Норманцу пришедшему изъ Варяжскихъ предѣловъ; — не довольно ли для него и той славы, что предки его основали многія Государства. Но прервалъ его Вечеславъ *Рюрикъ не отъ крови ли Славянъ происходитъ — не единоплеменный ли онъ Гостомыслу? — Такъ*, отвѣчалъ со вздохомъ Вадимъ, *онъ единокровный братъ нашъ: ибо родъ Сарматовъ, отъ коихъ онъ происходитъ есть одно изъ колѣнъ Славянскихъ, предки Рюрика были славны, Греческіе Цари Филиппъ и Александръ чтили ихъ какъ храбрыхъ себѣ союзниковъ; за великія дѣла свои они получили отъ нихъ златописменную грамоту. — Правда родъ его великъ и славенъ; но родъ мой всегда преимуществовалъ надъ родомъ его — Мои же предки есть Новогородцы — я самъ родился въ Новѣгородѣ и есмь истинный Князь Новгородскій! Да погибнетъ Рюрикъ и владычество его! — Да возвысится Вадимъ! — Вотъ чего требуетъ справедливость. Ты восторжествуешъ храбрый Князь!* рекъ ему преданный Вечеславъ — *весь народъ признаетъ въ тебѣ старшинство породы и уже вѣнецъ Княжескій тебѣ изготовляетъ. — Шествуй же о Вечеславъ къ главѣ народа — повѣдай имъ разговоръ нашъ и вину негодованія моего противъ Рюрика — изготовимъ себѣ единомыш-*

ленниковъ и съ сими храбрыми друзьями восторжествуемъ надъ противникомъ моимъ. — Собери ихъ всѣхъ ко мнѣ . . . . . Вечеславъ ему повиновался. — Старѣйшины народа окружаютъ Вадима и бесѣдуютъ съ нимъ вкупѣ о разрушеніи власти Рюрика и о возстановленіи могущества совмѣстника его. Доколѣ еще Крамолы сіи не содѣлалися явными, то Вадимъ носилъ на себѣ личину скромной гордости и крайнее желаніе свободы братіямъ своимъ, коимъ при всякомъ случаѣ давалъ чувствовать о угнетеніи ихъ, и неволѣ. Таковыя сѣти разставлялъ гордый сей Славянинъ великодушному Рюрику пекущемуся о благѣ и славѣ народа своего!

Великій Рюрикъ нѣсколько времени принявъ правленіе надъ Славянами, управлялъ ими щасливо и мудро. Первое стараніе его было изтребить вкравшіяся между ими злоупотребленія, потомъ онъ издалъ законы основанныя на справедливости и милосердіи. Онъ выписалъ ихъ изъ древнихъ мудрѣйшихъ законодателей Египетскихъ, Греческихъ и Римскихъ; сдѣлалъ удобоисполняемыми для Славянъ, ясными и близкими съ обстоятельствами вѣка и народа своего, избралъ мудрыхъ старцевъ хранить оныя и надзирать, чтобъ были изполняемы въ точности; украшенные сѣдинами и мудростію мужи сотова-

рицествовали ему въ совѣтѣ. Одинъ день въ недѣлѣ назначенъ имъ былъ выслушивать всякаго подданнаго имѣющаго до него нужду, другіе же дни употребляемы были судить и разбирать Государственныя дѣла, осматривать градскія строенія и всякія заведенія служащія на общественную пользу. Ни что не упускаемо было мудрымъ симъ Варяжскимъ Княземъ; въ свободные ему часы отъ дѣлъ, занимался онъ обученіемъ войскъ; полезнымъ чтеніемъ и наставленіемъ народа своего, который чтилъ его какъ законодателя и любилъ какъ друга и отца. Повсюду зримо было изобиліе, раждаемое отъ мудраго правленія, спокойствіе коего источникъ есть чистые и непорочные нравы и наконецъ всеобщая тишина: ибо Рюрикъ былъ уважаемъ, любимъ и почитаемъ сосѣдственными съ нимъ народами. — Благоговѣніе, почтеніе къ закону, любовь къ ближнему и къ чести сіяли въ сей благоустроенной странѣ. Чегожъ не доставало народу? Онъ былъ щастливъ! Однакожъ единому Богу лишь свойственно совершенное блаженство! — и Рюрикъ то позналъ. Вдругъ открываются недовольные имъ, составляются скопища и наконецъ заговоры, Рюрика зовутъ тираномъ. Слухъ о томъ до него доходитъ, онъ ищетъ начальника сихъ возмущеній и кромѣ гордаго Вадима, никого болѣе не подозрѣваетъ. Вадимъ казался мрач-

нымъ, былъ уединенъ и убѣгалъ присутствія Князя. Рюрикъ узнаетъ что въ каждую нощь сбираются нѣсколько друзей къ Вадиму и тамъ совѣщаютъ изтребленіе его власти.

Рюрикъ созываетъ совѣтъ, приглащаетъ туда и Вадима; спрашиваетъ всѣхъ, *кто можетъ быть не доволенъ?* Всеобщая похвала дѣлъ его послѣдовало сему вопросу — единый только Вадимъ молчалъ, но взоры его съ негодованіемъ обращались на Рюрика. — Князь продолжалъ *что извѣстенъ о заговорѣ противъ него*, и вопросилъ, *кто есть врагъ ему?* — *Я*, съ пламенѣющимися гнѣвомъ очами сказалъ ему Вадимъ. — *Какъ Вадимъ! Другъ Гостомысла, возможно ли! Не другъ Гостомысла тебѣ врагъ, но другъ угнѣтаемаго отечества моего; — Славяне были до тебя свободны; но ты намѣриваешься ихъ поработить. Рабами зрѣть братій моихъ я не унижусь, рабы презрѣнны. Свободный лишь народъ почтенія достоинъ. — Тиранъ тотъ есть, кто не законами, а лишь единой властію своею управляетъ — и что скажутъ чуждыя страны, когда доселѣ уважаемыхъ ими Славянъ узрятъ у ногъ твоихъ? Или паду отъ руки твоей, или возстановлю свободу соотечественниковъ моихъ. Я призываю тебя на судъ Божій! Пусть безсмертные рѣшатъ участь Рюрика, Вадима и Славянъ. Согласенъ*, съ кроткимъ видомъ, отвѣчалъ ему Рюрикъ;

лишь завтра солнечныя лучи освѣтятъ землю, я готовъ предстать предъ судъ боговъ и предъ тобою. Пусть зрятъ они правоту сердца моего и да познаютъ Славяне, Рюрикъ ли, или Вадимъ — кто больше ихъ любилъ!' Клянусь безсмертными, что побѣдителя законамъ слѣдовать я буду. При сихъ словахъ Рюрикъ востал и медленными шагами шествовалъ спокойно въ чертоги свои. Надменный Вадимъ удалился въ домъ свой и все собраніе смущенно и съ горестію на челѣ сокрылось въ жилища свои.

Лишь только златовласый фебъ разпростеръ позлащенные лучи свои на обмоченную утреннею росою землю, какъ унылый звукъ колокола съ грознымъ шумомъ бубновъ возвѣстилъ жителямъ Новогорода о сраженіи долженствующемъ рѣшить участь двухъ ироевъ равно ими любимыхъ. Всѣ толпою стремятся на лобное мѣсто, все многолюдство въ унылой тишинѣ робѣя и молча, съ любопытнымъ окомъ взираетъ на мѣсто сраженія. Вдругъ тишина прерывается, изъ вратъ храма Перунова выходятъ два воина сопровождаемые верховнымъ жрецомъ и предшествуемые служителями храма поющими томно и величественно священное пѣніе въ честь Перуна, яко защитника Новагорода; величественный видъ воиновъ, обратилъ всѣхъ на себя взоры; каждый

содрогнулся и съ почтенiемъ ожидалъ, что изъ сего воспослѣдуетъ. Единъ изъ воиновъ облеченъ былъ въ бѣлые цвѣтомъ какъ снѣгъ доспѣхи. На шлемѣ его извивались густыя бѣлыя перья, надпись щита его была: *справедливость есть мой законъ, непорочныя намѣренiя мною управляютъ*. Втораго воина шлемъ, латы и щитъ на коемъ надписано было: *я ненавижу угнѣтенiя и жажду лишь единой свободы*, были чернаго цвѣта; конечно предзнаменовали кончину ироя, плачь и рыданiе друзей его. Оба воина, держа другъ друга за руку, становятся на мѣсто сраженiя и поднимаютъ шлемы. Рюрикъ одетый въ бѣлые доспѣхи, первый зачинаетъ говорить; *Вадимъ! ты того хотѣлъ. Пусть безсмертные рѣшатъ участь нашу, но я призываю ихъ въ свидѣтели невинности моихъ поступковъ.* — *А я клянусь*, прервалъ съ скоростiю Вадимъ, котораго ужъ всѣ познали какъ по печальному цвѣту его доспѣховъ, такъ и по мужественному его виду; *что лишь смерть рѣшитъ — прю нашу, да ознаменуютъ боги! кто правъ изъ насъ иль виноватъ — Славяне братiя мои, клянитесь чтить законы побѣдителя.* Преклоня долу главы, всѣ въ молчанiи дали знать, что желанiе ироя исполнятъ. — Тогда верховный жрецъ возвѣстилъ народу причину сраженiя, въ коемъ, рекъ онъ имъ, безсмертные да окажутъ волю свою! Онъ благословилъ ироевъ. Они съ чувствительностiю обнялись

и битва началась. Оба мужественны, храбры, искусны побѣждать и оба чтя себя справедливыми, удивили весь народъ своею доблестію и подвигами едва возможными описать. Долго побѣда оставалась нерѣшительною между двумя знаменитыми соперниками, но наконецъ Вадимъ заблужденный своею запальчивостію бросается самъ на смертоносное оружіе Рюрика, котораго мечь прямо поподаетъ ему въ сердце и покрытый кровію Вадимъ блѣднѣетъ. *Ты побѣдитель* — рекъ онъ Рюрику умирающимъ голосомъ, *ты Князь Славянъ* . . . . . . и съ сими словами великая душа его оставляетъ. Палъ Вадимъ, и съ нимъ пала свобода Славянъ. — Рюрикъ провозгласился тутъ самовластнымъ Княземъ. Тѣло великодушнаго Вадима предано должному погребенію и княжескій вѣнецъ рукою Первосвященника украсилъ чело великаго Рюрика.

Между тѣмъ печальная Прекраса въ уединеніи своемъ узнаетъ кончину друга своего и лищась наставницы своей остается совершенно сирою, и неизвѣстною никому; но будучи воспитана въ почтеніи боговъ и укрѣпляема мудростію и добродѣтелью, предается промыслу ихъ — не ропщетъ на предопредѣленіе безсмертныхъ и съ мужествомъ ожидаетъ, что повелятъ они о судьбѣ ея. Страшася Варяжскаго Князя скрывается въ убогую хи-

Рисов: и гр: Ив: Теребеневъ.

жуну близь предѣловъ Пскова находящуюся и тамъ питается трудами рукъ своихъ. Дни ея текутъ въ невинности и добродѣтели. Красота ея подобная прекраснѣйшему майскому дню, привлекала всякаго къ ней сердце. Кротость ея прелестныхъ взоровъ и величество начертанное на челѣ ея, изъявляло въ ней необыкновенную породу. — Но всѣми сими достоинствами она не гордилась и казалось сама не знала ихъ. Иногда соединя плѣняющій свой гласъ съ томнымъ звукомъ арфы злато струнной, воспѣвала она хвалы Богамъ и знаменитыя дѣянія предковъ своихъ. Нѣжныя руки ея бѣлизною лучшему мрамору подобныя, пряли волну на одѣяніе неимущихъ, коихъ снабдѣвала она всемъ тѣмъ, что собственное убожество ея, ей дозволяло. Иногда въ прелестные вечера, когда заходящее свѣтило златовиднаго феба распространяя по земли пурпуровые лучи свои, и встрѣчаяся съ пріятною луною уступало томному свѣту сестры своей, освѣщать украшенныя цвѣтами сельскія поля, она съ весломъ въ рукахъ прогуливалась по тихошумному озеру Чудскому, сребристая поверхность котораго, какъ будто въ зеркалѣ давала ей зрѣть красоту лица ея; и тутъ въ сей глубокой тишинѣ, мудрая Прекраса наставляемая собственными своими размышленіями приуготовила сердце свое къ великимъ дѣламъ жизнь

ея ознаменовавшимъ. Вскорѣ узнаетъ она, что правленіе Новагорода перемѣняется. Рюрикъ окончилъ дни свои и Игорь сынъ его подъ руководствомъ знаменитаго Олега провозглашается Княземъ Новагорода. Младость лѣтъ юнаго Игоря не позволяла ему править Княжескимъ престоломъ и свойственникъ его Олегъ принялъ на себя бремя правленія, которое возвысило Славянъ и возвеличило безсмертное имя Великаго Олега, побѣдителя славныхъ Грековъ. Константиновъ градъ, при немъ узрѣлъ побѣдоносныя знамена Россіанъ и Черное море покрылось судами дотолѣ мало извѣстнаго народа обогащающими знатною добычею страны лежащія по брегамъ Ильменя и устрашающими всѣхъ осмѣливающихся востать противу великаго Новагорода.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Великій Киръ, мужественный Александръ, или мудрый Августъ сравненіемъ съ Олегомъ, не умалили бы своей славы. Сей истинно сколько величіемъ, столько и храбростію своею, подобенъ былъ знаменитымъ тѣмъ мужамъ. Недоставало лишь ему, чтобъ стихотворческій духъ описалъ дѣла его, украсилъ бы ихъ ви-

тіеватымъ своимъ слогомъ. Просвѣщеніе еще не посѣтило въ тогдашнія времена невѣжествомъ покрытыя страны владѣнія его. Онъ первый основателемъ былъ торговли и богатствъ Новагорода. Онъ первый озарилъ лучами свѣта несвѣдущій и младенцамъ подобный свой народъ, очистилъ мракъ умовъ и къ славѣ пріуготовилъ ихъ. Безсмертныя его дѣла, предшествовали величію Россіи. Къ владѣніямъ Новагорода, онъ мужествомъ своимъ пріобщилъ еще и страны Кіевскія. Борисфенъ разкрылъ предъ нимъ воды свои и онъ шествовалъ на военноносныхъ судахъ своихъ по Черному морю до самаго Царь-града; устрашилъ Императора Льва; наложивъ на него дань, и безсмѣртныя сокровища, злато, сребро, шелковыя ткани, изящные плоды, благовонныя мастики, драгоцѣнныя произрастѣнія морей и медоточныя вины полились источниками въ страны удивленной Россіи. — Восхищенные тѣмъ Славяне, едва не воздвигли ему Божескихъ почестей. Сосѣдственные народы съ почтеніемъ присылать начали къ Князю Новогородскому своихъ Пословъ для учиненія союза и заключенія взаимной торговли. Мракъ невѣжества низпалъ, и просвѣщеніе основало престолъ свой близь Невскихъ береговъ.

Игорь приспѣвалъ уже въ дни мужества своего. Красота лица его, пріятность въ разго-

ворахъ и нѣчто величественное украшало младаго ироя! Плѣняющая поступь увлекала каждаго за собою сердце; но томность взоровъ и вырывающіеся изъ груди его вздохи, показывали что сердцу его чего-то не доставало; невинность того вѣка и воинскія упражненія недавали ему познать чувствъ своихъ. Душа его стремилась каждую минуту и сама незнала за чѣмъ. Таковое положеніе заставляло младаго Игоря искать иногда уединеннныхъ мѣстъ, гдѣбъ могъ онъ углубиться въ размышленія свои. Дикія мѣста, томное журчаніе водопадовъ и густыя тѣни величественнаго дуба, наипаче привлекали его къ себѣ. Тамъ, среди пространства всей природы и удаляся въ густоту лѣсовъ, часто провождалъ онъ свои часы. Въ одинъ день, день памятный навсегда, послѣ великаго торжества въ храмѣ Перуновѣ близъ предѣловъ Чудскаго озера находившемся, гдѣ Олегъ въ сопровожденіи Игоря праздновалъ знаменитую побѣду, младый ирой удалясь отъ шума празднующихъ и утомленъ будучи невѣдомою грустію приходитъ ко брегамъ Чудскимъ; день уже клонился къ вечеру, пріятное пѣніе соловья, благовонный воздухъ разцвѣтающихъ полей и унылая пустынняя тишина объяли духъ его непостижимою пріятностію. Сладкія слезы оросили лице его и пріуготовили сердце къ пріятію нѣжнѣйшихъ чувствъ.

Онъ слышитъ вдали шумъ плывущей ладіи и временемъ сопровождаемый звукомъ арфы. Ему мнилось, что онъ уже преселился въ вѣчное обиталище своихъ предковъ и бесѣдуетъ съ душами ихъ; но не призракъ уже глазамъ его предсталъ, онъ зритъ самую Прекрасу приближающуюся къ нему. Останавливаетъ ее и проситъ называя богинею Ладою, ибо онъ въ ту минуту таковою ее почелъ, принять его въ ладію свою. Удивленная Княжна и пораженная доспѣхами неизвѣстнаго воина хотѣла уже было далѣе продолжать путь свой, но пленяющій гласъ и зракъ милаго юноши, останавливаютъ ее, не говоря ни слова она принимаетъ его въ ладію и рожденныя другъ для друга сердца познаютъ наконецъ каждое то — чего недоставало къ блаженству ихъ. Тутъ любовь ихъ соединила. Съ почтеніемъ Игорь не знавъ Прекрасы открылъ ей пламенную страсть свою; съ чувствительностію и благородствомъ призналася и она сама, что чувствовало сердце ея. Они клялись другъ другу быть вѣрными, видаться часто — и Игорь наконецъ совершенное щастіе позналъ; но возможно ли смертному блаженну быть на сей землѣ, лишь только щастіе лице свое обратитъ къ нему, тотъ же часъ иногда въ пущую лишь скорбь его завлечетъ подобно мореплавателю въ тихое пристанище прибывшему и

паки въ нѣдра моря долженствующему погрузиться на то, чтобы въ волнахъ его погребсть себя и все имущество свое.

Олегъ издавна желалъ зрѣть Князя Игоря соединеннымъ узами брака съ достойнѣйшею подругою и избралъ таковую по назначенію самаго Рюрика изъ дѣвъ Славянскихъ, дщерь одного изъ знаменитыхъ вельможъ своихъ. Тогда онъ призываетъ къ себѣ младаго Игоря и объявляетъ ему намѣреніе свое. Какъ будто молніею пораженъ юный Князь; долго не могъ отвѣчать словамъ Олега, и наконецъ съ твердостію отвергнулъ предложеніе его. Необыкшій къ отказамъ гордый Олегъ воспламенѣлъ и съ грознымъ видомъ рекъ Игорю: *Князь, воспомни санъ свой! сынъ Рюрика долженъ быть его достоинъ! Онъ самъ назначилъ дщерь Свентельда быть твоею супругою, и я поклялся ему исполнить волю его. Избирай — или лишиться престола и быть изгнанникомъ изъ отечества своего — или соединяся узами священнаго брака съ достойною дѣвою, принять наслѣдіе родителя твоего, быть покорнымъ волѣ его и съ славою управлять Славянами; даю тебѣ на размышленіе еще нѣсколько часовъ — наставшее утро завтрешняго дня, да освѣтитъ тебя въ храмѣ Перуновѣ. Тамъ ожидаю отвѣта твоего.* При сихъ словахъ Олегъ восталъ и Игорь томными шагами, съ

тяжкою скорбію въ сердцѣ, обратилъ стопы свои въ скромное жилище уединенной внуки Гостомысла. Не вѣдая ничего младая дѣва, съ прелестною простотою и съ милою улыбкою на устахъ, принимаетъ возлюбленнаго своего; но смущенный видъ его, блѣдное чело и текущія по ланитамъ слезы останавливаютъ невинную радость ея. Она трепещетъ и почти умирающимъ гласомъ вопрошаетъ его о притчинѣ зримой въ немъ печали. *Возлюбленная моя!* рекъ съ тяжкимъ стономъ младый Игорь, *не тебя — супругою моею Олегъ зрѣть желаетъ — онъ избралъ мнѣ другую .... тѣнь Рюрика мѣшаетъ щастію нашему ...... но предайся объятіямъ любовника твоего .... или безъ брачнаго союза не льзя вкушать пріятностей любви? — Ахъ сладость ея проникаетъ всю внутренность души моей — нѣжность твоя пріятнѣй для меня всѣхъ сокровищъ земли — въ очахъ твоихъ я почерпаю небесныя утѣхи — приди ко мнѣ дражайшая моя — забудемъ всю вселенну и будемъ жить другъ для друга. Нѣжная моя Прекраса — возлюбленная сердца моего — соотвѣтствуй пламенной страсти моей ..... или я умру у ногъ твоихъ; — виновница блаженства моего! — Не откажи любви столь сильной — послѣдуй лишь единымъ ея законамъ — клянусь тебѣ въ вѣрности моей — утвердимъ союзъ нашъ предъ са-*

мымъ небомъ; оно приметъ наши клятвы — и тогда уже никакой смертныи разлучить насъ не возможетъ. — Остановись дерзновенный юноша, съ благородною гордостію рекла ему цѣломудренная Прекраса, *что осмѣливаешься ты мнѣ предлагать? . . . . . Естьли Игорь забываетъ на что рожденъ онъ на свѣтъ, то Прекраса не забудетъ въ вѣкъ отъ чьей крови она произошла. Тебѣ слѣдуетъ управлять народомъ, а ты еще не знаешь управлять страстями своими? Ирою ли приличествуетъ соблазнять слабую дѣву? Ахъ нѣтъ! Твой долгъ есть защищать ее ; — или, се награда за любовь мою къ тебѣ жестокій. — Увы! ты пронзаешъ лютою скорбію то сердце, въ которомъ ты живешь. . . . . . О Боги! возможно ли что мой возлюбленный жаждетъ поношенія моего . . . . . . Почто я дожила сихъ грусныхъ мнѣ часовъ. Прости . . . . . Игорь . . . . прости на вѣкъ, ты больше Прекрасы не увидишь* — тутъ рыданія и слезы пресѣкли гласъ нѣжной дѣвы. — *Ахъ! остановись и не кляни меня* — возопилъ съ горестію Игорь — *возлюбленная моя! Прости отчаянному любовнику. Что осмѣлилася ты сказать? Тебя я больше не увижу. . . . . . . Ахъ лучше тысячу смертей! . . . . Увидишь ты меня тогда, когда достойнымъ сего будешь*, рекла

ему съ твердостію Прекраса. — *У ногъ твоихъ молю, скажи кто ты Божественная дѣва? Я внука знаменитаго Гостомысла, рожденная отъ самой чистѣйшій Славянской крови. Ты моя супруга* съ восхищеніемъ бросясь къ ногамъ ея возопилъ Игорь, *предъ небомъ и предъ цѣлымъ свѣтомъ. Самъ Олегъ не осмѣлится не признать внуки Гостомысла.* Ты моя супруга въ восторгѣ радости повторяетъ страстный Игорь и паки бросясь къ ногамъ ея обнимаетъ ея колѣни и лобзаетъ пламенно прелестныя ея руки; клянется ей въ вѣчной любви — и нѣжная Прекраса забывая все прижимаетъ его къ груди своей и обѣщаетъ ему по смерть быть вѣрною.

Лучи возходящаго солнца едва блескомъ своимъ освѣтили внутренность храма Перунова, какъ уже верховный жрецъ готовый къ принятію великаго Олега, ожидалъ его у подножія позлащеннаго идола; воскурилися жертвы, и священное пѣніе началось. Сопровождаемъ лучшими своими воинами и знатнѣйшими чиновниками двора своего входитъ мужественный Олегъ; съ нетерпѣніемъ обращаетъ взоры свои на все, многолюдство предстоящаго туть съ почтеніемъ народа и наконецъ узрѣвъ входящаго во храмъ Князя Игоря вопрошаетъ его, покорнымъ ли онъ намѣренъ быть волѣ родителя своего? *Готовъ о Князь Олегъ!* отвѣтствуетъ ему Игорь *исполнить волю твою и за-*

вѣщаніе великаго Рюрика — но да будетъ позволено мнѣ избрать будущую супругу по сердцу моему — Какъ , возопилъ Олегъ — *не дщерь Свентельда ? Кого же ? . . . . Внуку великаго Гостомысла ! прелестнѣйшую Прекрасу избрало мое сердце, одна она достойна руки моей, одна она будетъ моею супругою или болѣе никто.* При сихъ словахъ Олегъ далъ знать рукою, что желаетъ говорить съ верховнымъ жрецомъ. Все собраніе въ молчаніи удалилось и они пошли во внутренность храма. Тогда Олегъ вопросилъ жреца: *знаетъ ли онъ кто сія знаменитая дѣва? Государь!* рекъ ему жрецъ, *Прекраса подлинно есть внука великаго Гостомысла, она истинно достойна избранія Князя. Сколько она прекрасна , столько и добродѣтельна , а наипаче* примолвилъ жрецъ — *бракъ сей почитаю я справедливымъ и самымъ небомъ приуготованнымъ : — ибо союзомъ симъ соединитъ онъ кровь Славянъ съ кровію Варяжскихъ Князей и мню, что естьлибъ Рюрикъ вѣдалъ существованіе Прекрасы , то вѣрнобъ утвердилъ съ радостію бракъ сей — Но отче мой !* — рекъ Олегъ, *возможноль уничтожить завѣщаніе умирающаго Рюрика — таковыя повелѣнія должны быть святы. Я желаю щастія юному Игорю — желаю брака сего и признаю его справедливымъ. Заклинаю тебя самимъ Перуномъ, проси — Всевышнее Существо , да озаритъ оно*

тебя свѣтомъ истины и да откроетъ тебѣ волю свою и тѣмъ наставитъ меня, что предпринять я долженъ.

Олегъ удалился и верховный жрецъ оставшися въ храмѣ палъ къ ногамъ лжебога и долго молясь соумиленіемъ уснулъ: внезапно видитъ онъ себя перенесеннаго въ горнія селенія. Тутъ зритъ неописанныя величества и пріятности поражающія его духъ. Вдругъ предстаетъ предъ него прелестнѣйшаго зрака дѣва, Повелѣваю тебѣ, рекла она ему величественнымъ но кроткимъ видомъ, сообщить волю истиннаго Бога, Князю Новогородскому — бракъ Игоря и Прекрасы Ему пріятенъ; симъ бракомъ утвердится щастіе Славянъ и они озарятся познаніемъ истины. Я есмь Вѣра, со мною кто живетъ и естьли правымъ путемъ водимъ, тотъ щастливъ вѣчно будетъ. Пробудяся отъ сна, верховный жрецъ возблагодарилъ невѣдомое имъ существо ознаменовавшее страннымъ видѣніемъ симъ ему волю Свою, и преклоня колѣна предъ Перуномъ съ благоговѣніемъ вѣщалъ: *Перуну ли или Свѣтовиду угодно было объявить мнѣ волю свою? И я клянусь исполнить то, что священный долгъ мнѣ повелѣваетъ* При сихъ словахъ онъ выходитъ изъ храма и шествуетъ къ чертогамъ Олега, котораго не менѣе странное видѣніе занимало; ему мнилось зрѣть себя въ

пространныхъ чертогахъ, гдѣ падшіе идолы Перуна Бѣлъ-Бога и Свѣтовида лежали у ногъ нѣкоего свѣтообразнаго существа. Тутъ узрѣлъ онъ Рюрика и Гостомысла въ печали сѣтующихъ о невѣріи своемъ; они съ негодованіемъ взирали на поверженныхъ идоловъ, попирали ихъ ногами и умоляли свѣтообразнаго просвѣтить Славянъ и утвердить бракъ Игоря и Прекрасы. По семъ видѣніи Олегъ востаетъ, совѣщаетъ со жрецомъ и призываетъ къ себѣ юнаго Князя; онъ объявляетъ ему согласіе боговъ на бракъ его съ прелестною Славянскою Княжною — и восхищенный тѣмъ Игорь орошаетъ руки его благодарными слезами. Они всѣ трое шествуютъ къ жилищу юной Прекрасы. Звукъ бубновъ и литавръ сопровождалъ сіе шествіе, а радость на челѣ и сладчайшая надежда будущаго блаженства начертанныя въ страстныхъ взорахъ милаго юноши предварили младую Княжну о ожидающемъ ея величіи и щастіи.

Новогородскій Князь съ нѣжностію обнявъ прелестную дѣву назвалъ ея своею дщерію, наименовалъ Ольгою въ память дружества своего къ ней и назначилъ ей быть супругою Игоря. Бракъ ихъ былъ праздновалъ съ торжествомъ достойнымъ знаменитыхъ супруговъ и приличнымъ щедрости и величію по-

крытаго славою Олега. Восхищенный народъ провозгласилъ ихъ всѣхъ троихъ, и Олегъ самъ, исполнивъ священный долгъ и желаніе сердца своего, почувствовалъ сколь пріятно соединять справедливость съ милостію и величествомъ.

Молва пронесшаяся въ народѣ о дивномъ нѣкоемъ предсказателѣ достигла слуха Олега; сей мудрый мужъ хотя суевѣріемъ не былъ ослѣпленъ, но желая вывесть изъ заблужденія свой народъ и доказать Славянамъ тщетность сего буесловія призываетъ его къ себѣ, вопрошаетъ и предсказатель предрекъ ему скорую кончину *любимая тобою лошадь Государь! повѣрь ты мнѣ, будетъ причиною смерти твоей* съ недовѣрчивою и исполненною милости улыбкою отпустилъ его Олегъ. Любимый конь его наконецъ палъ и Олегъ съ удовольствіемъ чрезъ сіе доказалъ приближеннымъ къ нему друзьямъ, сколь ложно было предсказаніе его кончины. О суетность великихъ замысловъ смертныхъ! въ самое то время, когда готовится иногда человѣкъ на великіе предпріятія, тутъ разитъ его ударъ — и все обращается въ ничтожество! Самъ великій Олегъ служитъ тому примѣромъ, онъ готовится шествовать ко граду Константинову, проѣзжаетъ мѣсто, гдѣ повержень былъ прахъ рокового для него животнаго. подходитъ туда, смѣется паки

суетнымъ предсказаніямъ. — Но вдругъ шипящая змія скрывающаяся въ ближнихъ тутъ кустахъ и питающаяся разрушающимися остатками лежащаго трупа извиваяся съ яростію устремляетъ ядоносное свое жало, уезвляетъ Князя и смертоносный ядъ разливающійся по членамъ его, кончаетъ знаменитую его жизнь;— замыслы и всѣ дѣла достойныя вѣчной славы! — Таковъ былъ конецъ великаго Олега, пресмыкающееся животное пресѣкло дни того, кого трепетали потомки славныхъ Кесарей.

Лишь только великій Олегъ окончилъ дни свои, то всѣ сосѣдственныя съ Новгородомъ народы подняли главы свои, всѣ данники его полагаяся на младость Игоря, возстали противъ власти юнаго Князя. Древляне сильный и воинственный народъ, первый предшествовалъ всѣмъ бунтующимъ противу него, за ними слѣдовали дикіе и мужественные Печенеги воспитанные въ лѣсахъ и питающіеся грабежемъ. Храбрые Угличи обитавшіе на брегахъ Днѣпровскихъ присоединились также къ нимъ. Но мужественный Игорь обученный Олегомъ неустрашился ничего, пошелъ на нихъ — узрѣлъ ихъ страшное ополченіе — и побѣдилъ ихъ всѣхъ. Симъ усмирились ужасные враги Россіи, содѣлались паки данниками Новагорода и признали единодушно власть Князя Игоря. Вскорѣ потомъ шествуя стезями Олега, онъ по-

шелъ противу Греческихъ странъ, опустошилъ Понтъ, Вифинію и Пафлагонію, и заставилъ Императора стращиться его силы. Патрицій Феофанъ и Фока встрѣтили его близь Херсониса Таврическаго и отъ имени Императора Романа заключили съ нимъ мирный союзъ и обязались платить наложенную на нихъ Олегомъ дань. Покрытый славою Игорь возвратился въ отечество свое, отъкуда повелѣлъ Печенегамъ итти противу Болгаръ и подчинить ихъ власти своей. Таковые подвиги должны бы были укротить воинственный духъ Князя Новогородскаго и доставить ему мирное владѣніе по среди семейства своего въ объятіяхъ милой сердцу его Ольги и младаго Святослава единороднаго сына ихъ; но честолюбивая слава ироя и великіе замыслы его недопускали наслаждаться спокойствіемъ — онъ почиталъ сіе за праздность и казалось стыдился пребывать въ бездѣйствіи. Паки идетъ противу Древлянъ, для наложенія сильнѣйшей на нихъ дани. Разбитыя ихъ войска сражаются отчаянно и употребя въ пользу густоту лѣсовъ и глубокіе рвы окружающіе ихъ воиновъ скрываются въ сію засаду и оттуда стрѣлами своими — поражаютъ храбраго Игоря. Кончина его, подобная великому Киру, окончала кровавое сіе сраженіе. Палъ мужественный Князь Новогородскій! — и воины Славян-

скіе пораженные отчаяніемъ обливъ тѣло его горчайшими слезами, съ честію возлагаютъ на смиренную колесницу и — въ безмолвной горести отвозятъ къ рыдающей Ольгѣ.

Слабое перо не можетъ изъяснить страданій нѣжной его супруги при воззрѣніи на безгласный трупъ — того — кого сердце ея столько обожало — чьей любовію питалась страстная душа ея. Съ блѣдностію на челѣ, съ запекшимися отъ горести устами облила она остатки милаго супруга чистѣйшими слезами и предъ небомъ и землею поклялась въ присутствіи цѣлаго народа мстить смерть его. Предавъ великолѣпно тѣло его погребенію и совершивъ надъ нимъ тризну, вынесла въ объятіяхъ своихъ юнаго Святослава и предъ всѣмъ обществомъ Славянъ рекла имъ: *Се Князь вашъ*! Всѣ преклонили главы и поклялись сыну и матери быть вѣрными по смерть.

Съ помощію Свенпельда облагодѣтельствованнаго Игоремъ, мудрая Ольга беретъ на себя бремя правленія. Въ Перуновѣ храмѣ изъ рукъ первосвященника принимаетъ она возложенный на нее Княжескій вѣнецъ. Не столько украшалъ онъ величественный зракъ Владычицы Новогородской, сколько природныя ея прелести и кротость начертанная на челѣ. Восхищенный ею народъ воззывавъ ее единогласно Ладою богинею любви — преклонялъ колѣна

предъ нею и усыпалъ благовонными цвѣтами путь, по которому шествовала она изъ храма въ чертоги свои. Тамъ призвавъ къ себѣ верховнаго жреца, Свентельда мудраго вельможу, храбраго полководца Притича и прочихъ приверженныхъ памяти супруга ея; она совѣщала съ ними о благѣ общественномъ: *Вы знаете,* — говорила она имъ, *что подъ воинственнымъ правленіемъ Олега и мужественнаго Игоря, Славяне учинились сильными и страшными врагамъ своимъ; но между тѣмъ — законы Гостомысла и Рюрика, уже не въ той пребываютъ силѣ, въ которой они быть назначены — и такъ слѣдуетъ ихъ возстановить. Тебѣ мудрый Свентельдъ поручаю сіе. Храни законы, храни спокойствіе подданныхъ моихъ! возстанови межъ ими изобиліе и тишину. А ты мужественный Притичь, будь защитникомъ Славянъ! управляй войскомъ моимъ, будь покровителемъ слабаго, и ужасомъ враговъ — да невозмнятъ они, что подъ управленіемъ слабой жены и юнаго младенца, Славяне могутъ находиться безъ защиты;* и обратясь потомъ къ жрецу, рекла ему: *Твой долгъ есть наставлять въ благоговѣніи Славянъ. Народъ не почитающій священные законы не обузданъ въ страстяхъ своихъ — добродѣтель состоитъ въ буйствѣ, а мужество въ хищеніи и неистовствѣ; онъ превосходитъ лютостію кровожажду-*

Его

щихъ звѣрей обитающихъ въ пустынныхъ мѣстахъ, законы лишь божественные приводятъ его и путь правый научаютъ въ милосердіи, братской любви и храненіи въ чистотѣ нравовъ своихъ. — При сихъ словахъ она возстала, разпустила свой совѣтъ и занимаясь поученіемъ сына своего, пріуготовила его къ ироискимъ дѣламъ, подобнымъ тѣмъ, кои въ столь блестящемъ видѣ описываемы были нѣкогда славнымъ Омиромъ, когда онъ воспѣвалъ ироевъ Греческихъ. Тутъ размышленія ея пріуготовили ужасное мщеніе Древлянамъ. Мщеніе, свойственное языческому бѣснованію и ложной славѣ тѣхъ временъ; но жестокость Ольги въ семъ случаѣ извинить можно — любовь — еще сильно царствовала въ сердцѣ сей ироини — душа ея горѣла мщеніемъ — она жаждала величества и не знала какимъ путемъ до него достигнуть можно — заблужденіе ея свойственно было заблужденію славнѣйшихъ мужей въ лѣтописяхъ съ пышностію упоминаемыхъ — лучь христіянства не озарилъ еще ума ея и путь къ милосердію загражденъ былъ въ сердцѣ ея, преданномъ жестокости идолопоклонническаго духа.

Малей Князь Древлянъ наслышася о красотѣ и мудрости Ольги, желалъ издавна зрѣть ее. Въ одинъ день, когда было у Славянъ торжество въ честь лжебогу Свѣтовиду, онъ на-

деваетъ на себя воинскіе доспѣхи и смѣшавшись съ толпою празднующихъ, входитъ въ Кіевъ, гдѣ тогда пребывала Княгиня Новогородская. Тутъ узрѣвъ Ольгу воспламенѣть къ ней сильнѣйшею страстію, было единымъ мгновеніемъ для нещастнаго сего Князя, достойнаго лучшей участи. Съ нѣжнѣйшею любовію въ сердцѣ, съ душею наполненною прелестями обладательницы Славянъ, возвращается онъ густыми тѣнями лѣсовъ къ народу своему и объявляетъ всѣмъ Древлянамъ принятое имъ намѣреніе отправить пословъ къ знаменитой вдовѣ Игоря съ требованіемъ руки ея. Таковый бракъ казался всѣмъ сколько выгоднымъ, столько и славнымъ; знатнѣйшіе и мужественнѣйшіе изъ его вельможъ, приняли на себя сіе посланіе и храбрый Князь Малей, который еще ни предъ кѣмъ не трепеталъ, съ содроганіемъ сердечнымъ ожидаетъ рѣшенія участи своей.

Съ великолѣпіемъ и коварною кротостію принимаетъ Ольга пословъ Древлянскихъ: выслушавъ чистосердечную и исполненную мудрости ихъ речь, въ продолженіи которой вся кровь ея кипѣла мщеніемъ, отвѣтствовала она имъ тако: *Съ удовольствіемъ принимаю я предложеніе Князя вашего; — идите друзья мои, успокоиться въ пріуготовленныя для васъ храмины, я намѣрена принять васъ, какъ собствен-*

тыхъ моихъ подданныхъ. И обманутыя симъ Кіевляне и Новогородцы, почитающіе уже ихъ яко братіи своихъ и единоплеменныхъ; ибо Княгиня ихъ супругою ихъ Князя быть обѣщевается, угащиваютъ дружественно Древлянъ. Лучшія вины, лучшія снѣди въ изобиліи предлагаютъ они посламъ Малея. Нощь застигаетъ въ сихъ празднествахъ; лишь только Славяне удалились и питающіеся лестною надеждою Древляне предались пріятнѣйшему сну, какъ вдругъ съ страшнымъ трескомъ обрушается храмина, и всѣ въ оной находившіеся низринуты въ пріуготовленный для того ужаснѣйшій ровъ. Пощадите, вопіяли громогласно несщастные Древляне — Не пощады вамъ, а мщенія желаетъ Ольга, отвѣтствовано было имъ. Сіе вамъ да будетъ карою за смерть Игоря, и съ сими словами, засыпано было мѣсто храмины и пребываніе Древлянъ — землею; о зарѣвщее утро не дало никому и познать слѣдовъ, гдѣ угащеваемы были посланные Малея.

Слухъ сего коварства достигъ до Древлянскія земли, съ ужасомъ жители оной предстаютъ предъ Князя и вопіютъ велегласно: мщеніе! мщеніе! противу Славянъ. Но любовь властительница сердецъ, сильнѣе ихъ — говорила сердцу Малея. *Успокойтесь о други мои!* рекъ онъ съ унылой горестію народу

своему; *пошлемъ еще туда пословъ, и изберемъ мудрѣйшихъ межъ нами; да увѣдають они причину таковаго коварства — ихъ отвѣтъ наставитъ насъ что предпріять.* Второе посольство Древлянъ не щасливѣе было перваго; съ дерзскими угрозами предстають они предъ гордую Ольгу — выговаривають ей ея поступокъ — обѣщають — лишить ея престола, не щадить даже малолѣтняго сына ея — высечь грады и истребить подданныхъ. — Хотя Ольга уже готова была предъ принятіемъ ихъ, отпустить ихъ съ миромъ — но столь дерзскіе угрозы унижающіе высокій санъ ея подвигли ее ко мщенію за поруганное ея величество, она воспламенѣла гнѣвомъ и положила въ сердцѣ своемъ — наказать буйственныхъ посланниковъ — съ гордостію требовали они руки ея ихъ Князю. Хитрая Ольга скрыла свою досаду и принявъ ихъ съ притворною милостію отпустила отъ себя, обѣщавъ назавтрѣ дать имъ отвѣтъ. Между тѣмъ приказала уготовить имъ для успокоенія теплицы, въ которыя лишь только они взошли, то всѣ обьяты были пламенемъ и тако преданы мучительной кончинѣ.

Не удовольствовалась симъ кровавымъ мщеніемъ воинственная Ольга. Она отправила своихъ Пословъ къ Малею, съ тѣмъ, дабы онъ повелѣлъ пріуготовить великое празднество въ

честь памяти супруга ея, и что она сама въ сопровожденіи чиновниковъ двора своего и отличныхъ Славянскихъ мужей идти намѣрена въ его землю для совершенія тризны на мѣстѣ, гдѣ преданъ смерти храбрый Игорь. О сколь пріятно — сколь сладостно лестное для сердца страстнаго Малея сіе извѣстіе восхитило его! Съ какою радостію, съ какимъ обьявшимъ пламенную душу его блаженствомъ пріуготовился онъ къ празднеству! Наконецъ зритъ самую Ольгу, облеченную въ воинскія доспѣхи и сопровождаемую многочисленною свитою Славянъ — красота ея казалось новый блескъ пріобрѣтала подъ сею браноносною одеждою. — Путешествующій долго по Греціи Малей едва не принялъ ее за богиню древней Троіи. Съ восторгомъ, удивленія взиралъ онъ на божественныя ея прелести и долго немогъ ей ничего сказать, уста его нѣмѣли и лишь въ единыхъ взорахъ его показывалась пламенная любовь объявшая страстную его душу — Наконецъ прервалъ молчаніе, рекъ онъ: *О прекраснѣйшая изъ женъ! Коль щастливъ Князь Древлянъ! — Ты удостоиваешь его присутствіемъ своимъ. — Тебя ли я вижу — не обманываютъ ли меня глаза мои? — Естьли это сновидѣніе — То, о! всещедрые боги! соблаговолите да не проснусь я въ вѣкъ. — Возможно ли! Ты хощешь содѣлать щастіе обожающаго*

тебя Малея. — *Ахъ! чье блаженство сравниться можетъ съ моимъ? У ногъ своихъ прими ты клятвы нѣжнѣйшей любви.* Съ притворною кротостію въ очахъ, съ коварною улыбкою на устахъ рекла ему Ольга : *Такъ Малей — я забываю вражду нашу и хочу вмѣстѣ съ тобою приличною тризною успокоить прахъ мужественнаго Игоря!* Она пошла въ ограду. Тамъ Ольга казалась углубленною въ горести, слезы катящіяся по ланитамъ ея, томные взгляды, усугубляли ея красы, и обворожали въ молчаніи тутъ пребывающаго Малея. Вдругъ поражается слухъ его ужаснымъ шумомъ ; звукъ оружій и стонъ умирающихъ достигаютъ до него; *Коварная Ольга*, съ недовѣрчивымъ взоромъ вопросилъ ея Малей , *что сіе значитъ? Гдѣ послы мои?* — *Они идутъ съ друзьями супруга моего.....* *Ты обманула меня.* — *Нещастный! и я вѣрилъ лестнымъ словамъ твоимъ;* — *о боги! въ столь прелестныхъ взорахъ возможноль быть толико звѣрства! Защищайся,* возопила ему съ грознымъ видомъ Ольга, *пусть лютая душа твоя лишившая меня единственной моей утѣхи воспріиметъ месть за смерть супруга моего — жестокій, ты заставилъ меня влачить бѣдственные дни въ горестномъ вдовствѣ! — Ты содѣлалъ сиротою сына моего. — Не ты ли поразилъ сердце мое жестокою скорбію, отнялъ у меня блаженство мое? — О*

Игорь! любезнѣйшій Игорь я отмщу за смерть твою — успокою прахъ твой или сама погибну. — Ослѣпленный любовію Малей не съ обычнымъ уже мужествомъ сражался — противу хитрой сей жены — каждый ударъ, который наносилъ онъ возлюбленной своей — достигалъ до сердца его, каждая капля крови ея стоила ему источниковъ слезъ. — Но долгъ собственной своей славы, и нежелая быть побѣжденнымъ женою, заставляли его противъ воли сражаться съ нею; жестокая же Ольга внушаемая единымъ лишь мщеніемъ — не щадила ни младости, ни доблести обожающаго ея, и поражала его смертельными ударами. Участь столь страннаго сраженія, не была бы еще рѣшена естьлибъ Славяне поразившіе лютою смертію ослабѣвшихъ въ празднествѣ Древлянъ не подоспѣли на помощь къ Княгинѣ своей, и считая что Князь Малей предательски жаждетъ смерти ея — поражаютъ его своими мечами — и тѣмъ оканчиваютъ сію битву.

Столь ужасное мщеніе подвигло весь Древлянскій народъ противу сосѣдственныхъ Кіевлянъ, а паче противу Княгини ихъ. Они опустошили всѣ окрестныя мѣста, истребили надежду землепашца, пожгли всѣ поля, предали лютой смерти женъ и младенцовъ и

плѣнили многихъ спокойныхъ жителей Кіева, кои неучаствовали ни въ мщеніи ни въ сраженіи противу ихъ; Но не есть ли обыкновенный удѣлъ слабыхъ быть жертвою сильнѣйшихъ враговъ? — беззащитные часто караются за злодѣянія сильныхъ — но добродѣтель не награждаетъ ли гонимыхъ напрасно? — Ахъ! всеконечно они то почувствуютъ въ лучшей жизни. Раздраженная нашествіемъ иноплеменныхъ Ольга съ страшнымъ ополченіемъ выступаетъ противу Древлянъ вторженныхъ съ великимъ войскомъ въ Славянскіе предѣлы, она спѣшитъ защитить отечество свое отъ сильныхъ враговъ и смиривъ ихъ, удержать въ должномъ почтеніи къ ней и тѣмъ доставить спокойствіе подданнымъ своимъ. Сопровождаема юнымъ своимъ сыномъ, котораго съ младенчества желала пріучить къ звукамъ оружія и приготовить къ славѣ, шествуетъ она сама съ отборными своими воинами противу страшнаго ополченія Древлянъ Побѣждающіе все Славяне съ мужествомъ и удивительною храбростію сразились съ непріятелемъ. Сколько съ обѣихъ сторонъ погибло храбрыхъ тутъ мужей! Сколько легло сильныхъ воиновъ! Мужественный Притичь видя что Древляне одерживаютъ побѣду, бросается въ толпу непрія-

теля съ щитомъ въ рукахъ. Отборныя ратники его окружаютъ; быстрѣе молніи обтекаетъ онъ всѣ полки Древлянъ; никто не былъ имъ пощаженъ, каждый встрѣчающійся съ побѣдоноснымъ оружіемъ его, падалъ отъ руки сего витязя, подобно какъ отъ сильной бури падаютъ младыя древа на землю. Едва уже не свершилъ онъ всеконечной пагубы Древлянъ; но узрѣвъ окруженнымъ юнаго Святослава полками непріятеля, прорывается сквозь ряды ихъ, одною рукою защищаетъ своего Князя, а другою поражаетъ Древлянъ, кровавые ручьи текли потоками за нимъ, всѣ поражающіе его воины очищали предъ нимъ путь, и онъ пробравшись чрезъ кучи наваленныхъ шишаковъ, стрѣлъ и латъ, достигаетъ Свентельда, шествующаго изъ Кіева на помощь къ Княгинѣ своей. Тутъ успокоилъ его Притичь, *мы побѣдители*, вскричалъ онъ ему, *иди — обратись, вспять обрегать стѣны Кіевскія! Съ помощію справедливыхъ боговъ и съ столь храбрымъ воинствомъ въ побѣдѣ могъ ли ты усумниться?* Ольга сама подобно Греческой Палладѣ окружена будучи оруженосцами своими устрашала всякаго изъ непріятелей, дерзавшаго къ ней приближиться; все гибло отъ ударовъ ея, ничто не противостояло мужественнымъ ея Сла-

вянамъ . . . . . . Не видя болѣе противниковъ, лишь только хотѣла она провозгласить побѣду, какъ вдругъ узрѣла предъ собою юнаго воина съ свирѣпымъ видомъ бросившагося съ мечемъ своимъ на нее. *Умри жестокая!* — воскликнулъ онъ громогласно, *отмсти мнѣ смертію своею за смерть любезнѣйшаго брата* — но съ сими словами прибывшій тутъ Притичь осѣняемый развѣвающимися отъ вѣтра Кіевскими знаменами и узрѣвшій Княгиню свою въ опасности поспѣшаетъ къ ней на помощь, онъ трепещетъ отъ ярости и обративъ оружіе свое сражается съ Древлянскимъ Княземъ; ни мужество сего послѣдняго, ни искуство въ бою не можетъ защитить его отъ ударовъ храбраго Славянина. Лютая смерть пресѣкла славою увѣнчанные дни младаго витязя. Онъ палъ, какъ еще несозрѣвшій стебель отъ плодоноснаго древа — поразившій его Притичь воззываетъ побѣду и оканчиваетъ тѣмъ сраженіе. Горестные Древляне поднимаютъ бездыханный трупъ, котораго помертвелыя уже уста показывали еще пріятность, они окропили его слезами и съ мѣста сраженія отвезли съ честію во градъ свой Коростень. Безъ полководца, и лишась лучшихъ своихъ воиновъ, потерявъ послѣднюю свою надежду устрашенные Древляне въ безпорядкѣ предаются бѣгству — они скрываются съ отчаяніемъ въ пре-

стольный градъ свой Коресшень сильно укрѣпленный и обведенный глубокими рвами и запираюшъ за собой врата; но Славянскіе полки ихъ преслѣдуюшъ и осаждаюшъ градъ, вокругъ кошораго на нѣсколько дней въ разсшавленномъ своемъ сшанѣ вознамѣрилась успокоишься Ольга. Среди шишины глубокой нощи, ошъ природы милостію и человѣколюбіемъ исполненное ея сердце уже начинало преклоняшься къ пощадѣ Древлянъ — и на ушріи вознамѣрилась она возвѣсшишь имъ миръ; но внезапно узрѣвъ великій пламень досязающій до облаковъ во градѣ Коросшенѣ и услышавъ вопль умирающихъ, выходишъ она изъ сшана своего и узнаешъ о жесшокосшяхъ свершенныхъ Древлянами надъ впавшими въ плѣнъ къ нимъ Славянскими воинами, коихъ всѣхъ предали они огню и мечу предъ жершвенниками боговъ своихъ. Содрогнулось сердце Ольги ошъ сего люшаго видѣнія и она положила себѣ мсшишь Древлянамъ закровавую сію измѣну и изшребишь сихъ люшыхъ непріяшелей, дабы научишь чрезъ шо и другихъ храненію даннаго ей слова — она возврашила Древлянамъ плѣнниковъ ихъ — шребовала назадъ своихъ — Сіе ей обѣщано было — но лишь прахъ единъ великодушныхъ Славянъ развѣялся по вѣшру и досшался въ удѣлъ огорченной ихъ Княгинѣ.

Градъ Коростень противустоялъ всѣмъ усиліямъ Пришича, взять его приступомъ было не возможно. Долго совѣщалась Ольга съ избраннѣйшими Полководцами и наконецъ рѣшилась послать къ Древлянамъ одного изъ своихъ изящнѣйшихъ воиновъ съ объявленіемъ мира; въ дань же себѣ не требовала болѣе ничего какъ по парѣ горлицъ со всякаго сѣмейства, и сіе вѣщала она, я токмо принимаю въ засвидѣтельствованіе вашей ко мнѣ покорности.

Восхищенные стою маловажною данью Древляне стремятся исполнить волю, столь милостивой покорительницы. Ольга принявъ съ коварною кротостію малый сей даръ, и отпустивъ Древлянъ, повелѣла по примѣру въ древности славнаго Аннибала привязать къ каждой горлицѣ по пуку зазженной свѣтильни. Нѣжныя матери пущенныя на волю, летятъ къ птенцамъ своимъ. Друзья ихъ слѣдуютъ за ними, не понимая опасности, не ощущая огня палящаго ихъ крыла, спѣшатъ въ гнѣзда свои — тамъ лобзая нѣжно юныхъ чадъ — возжигаютъ пристанища ихъ пріявшія — пламень достигаетъ всеобщихъ жилищъ и разливается по всему граду. Смятеніе, горесть и ужасъ наполнили Коростень. Древляне въ отчаяніи бѣгущіе вонъ изъ града, растворяютъ врата. Славяне туда врываются и освѣщаемы будучи

палящимъ градъ пламенемъ, предаютъ смерти всѣхъ попадающихся имъ. Жители почти въ изступленіи ума, не помня самихъ себя могли ли тогда защищаться? Смерть, лютая смерть съ окровавленными своими бичами всюду слѣдовали за нещастными Древлянами. Младенцы у засохшихъ грудей матерей своихъ, согбенные старцы, едва придерживаемые отчаянными сынами своими, юныя дѣвы у подножія своихъ боговъ, обливающія слезами ихъ олтари, всѣ учинились жертвою мщенія и лютости. Повсюду стонъ и рыданія смѣшивались съ возклицаніями жестокихъ побѣдителей. Вдругъ сама Ольга взошедъ на градскую стѣну помаваніемъ руки своей остановила Славянъ. Миръ! Миръ! провозгласила она громогласно — прощеніе Древлянамъ — но поздо уже было, цвѣтущій градъ Коростень содѣлался пустынною могилою его жителей, а оставшіеся въ живыхъ походили болѣе на полумертвыхъ тѣней, коихъ слова мира, ни утѣшить, ни обрадовать уже были не въ силахъ.

Столь трогающее зрѣлище поразило Ольгу и чувствительныя слезы ея окропили мѣсто преданное ею запустѣнію. Она оставила Древлянъ въ покоѣ и съ унылымъ молчаніемъ удалилась съ полками своими отъ сихъ странъ въ сосѣдственный градъ Кіевъ. Се жестокости

помраченныхъ идолопоклонствомъ сердецъ! Се ужасы воинственнаго иступленія неозаренныхъ спасительною вѣрою умовъ! Таковыя кровопролитія въ тогдашнія времена введенныя буйственными Галлами почитались поклонниками лжебоговъ ироическими дѣлами! Но сколь слава христіянскихъ владыкъ различна отъ сего? Когда они обще съ вѣрою управляемы милосердіемъ, то не суть ли они истинное подобіе владѣющаго небомъ и землею? Кротости слѣды, а не жестокости повсюду зрятся въ правленіи ихъ! Справедливы съ подданными и милостивы съ непріятелями, серца свои учиняютъ престоломъ всѣхъ сокровищъ. — Единые лишь хищники вѣнцовъ мнятъ лютостію державу свою утвердить, имъ всякое злодѣяніе возможно, они чужды правилъ добродѣтели и истиннаго величія — въ безумствѣ своемъ попирая честь, законъ и милосердіе учиняются чудовищами едва ли и самый адъ не ужасающими — Но порфирородному владыкѣ воспитанному въ благочестіи не трудно управлять сердцами подданныхъ своихъ — Каждый видитъ въ немъ достойнаго помазанника и отца — любовь народа его привлекаетъ къ нему почтеніе и чуждыхъ державъ. — Основанный престолъ на милосердіи и справедливости есть твердая ограда для славы Царей Познала все сіе мудрая Ольга когда низпала

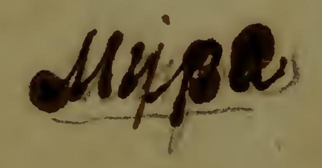
тьма съ мысленныхъ очесъ ея. Сколько разъ воздыхала она предъ Всевѣдящимъ о жестокостяхъ своихъ. Память погибшихъ отъ руки ея Древлянъ и окровавленная тѣнь Малея многократно заставляли ея обливать горчайшими слезами скромное ложе свое. Разкаяніе ея достигло до Превѣчнаго! и подъ видомъ священной воды омылась душа ея отъ грѣха спасительною кровію Мессіи. Заблужденіи содѣланныя отъ незнанія, не судятся строго не лицепріятнымъ Судіею! Подобно Константину посланное свыше видѣніе озарило воинственную Ольгу, пріуготовило ея къ обращенію въ Христіанство и введенію онаго въ области Славянскія.

Палимо знойнымъ жаромъ, среди горячихъ песковъ и утомленно жаждою побѣдоносное Кіевлянское войско искало убѣжища для отдохновенія отъ тяжкаго пути. По повелѣніи Ольги, разставили они шатры свои близь прохлаждающаго потока журчащаго източника, подъ пріятною тѣнію развѣваемыхъ зефиромъ густыхъ вѣтвистыхъ дубовъ. Вскорѣ нощь начала распространять темное свое покрывало на томимую зноемъ отъ солнечныхъ лучей землю. Свѣтъ онаго заступили блестящія звѣзды сопровождающія нѣжную Луну царицу нощи и покрывающія небесный сводъ, Млечный оныхъ путь вмѣщающій можетъ быть

въ себѣ милліоны небожителей созерцающихъ природу, и уже ожидающихъ зрѣть Ольгу причтенну въ число небесныхъ Духовъ. Всѣ Славяне предались усладительному сну успокоевающему ослабшія ихъ силы. Одна только Ольга не могла оному предаться; сонъ бѣжалъ отъ вѣждъ ея — нѣчто сверхестественное возмущало ея духъ — невѣдомая тоска объяла пожираемое внутреннимъ пламенемъ ея сердце. Въ безпокойствіи съ страждущею душею, возстаетъ она съ ложа своего, выходитъ изъ шатра надѣясь прохладиться свѣжимъ воздухомъ. Но увы! и тутъ спокойствія себѣ не обрѣтаетъ; подобно жаждущему еленю, бѣжитъ она къ источнику; но и животворныя воды сего не помогаютъ палящему всю внутренность ея огню. Вся природа кажется отказываетъ ей въ благотвореніяхъ своихъ! ничто не облегчаетъ жестокихъ ея мукъ. Въ изступленіи протекаетъ она поля, и въ безпамятствѣ бросается на обмоченную вечернею росою землю. Потоки горкихъ слезъ орошаютъ лице ея. Смертный хладъ объемлетъ всѣ члены ея. — Меркнетъ свѣтъ въ очахъ — она хочетъ призвать на помощь къ себѣ боговъ своихъ — но уста ея нѣмѣютъ, кровь стынетъ въ жилахъ, и нѣкоторый родъ омерзѣнія заступилъ благоговѣйныя ея чувства къ тому, что прежде она обого-

творяла — вдругъ спасительный лучь надежды оживотворяетъ ея; она почувствовала въ утомленной страданіями душѣ своей родъ нѣкоего спокойствія заступившаго мѣсто грызущаго ея, подобно лютой скорпіи отчаянія — Наконецъ во помня о сказаніяхъ малаго числа Христіянъ бывшихъ въ Кіевѣ и о ученіи ихъ, изъ глубины сердца воздохнула и съ тяжкимъ стономъ съ пролитіемъ горькихъ слезъ рекла: *Конечно — не Перунъ, и не Свѣтовидъ управляютъ вселенной! а безъ тогобъ они мнѣ вѣрно помогли въ страданіяхъ* [illegible] *— ахъ! безсомнѣнно Христіянскій Богъ сильнѣе ихъ! — Онъ есть Богъ міра и природы!* Потомъ съ сердечнымъ благоговѣніемъ упавши на колѣни и простершися съ сокрушеннымъ сердцемъ на окропленную слезами ея землю съ любовію и почтеніемъ рекла: *Невѣдомое существо! дай отраду отчаянной душѣ моей — кромѣ тебя никого болѣе я признавать не хочу!* Послѣ кратковременной сей молитвы обратя съ умиленіемъ взоры свои на изпещренное звѣздами небо, узрѣла она дивный свѣтъ, лучезарность котораго объяла серце ея возхитительною радостію, въ семъ сіяніи видитъ она крестное знаменіе и слышитъ свыше гласъ: *Ольга будь Христіанка, съ симъ знаменіемъ ты блаженною вѣчно будешь. Всесильный Богъ Хрістіянскій! прими мя подъ кровъ Твой, вѣрую*

Пѣснь 2я

стр: 56.

что ты единъ еси Богъ! сказала Ольга, и съ сими словами почувствовала въ себѣ еще невкушаемое ею доднесь спокойствіе — Спасительная благодать коснулась сердца ея и она стала Христіянкою. Возставъ съ мѣста своего обратила она путь свой къ шатру утренняя заря, тогда освѣтивъ румянымъ своимъ путемъ пространныя поля и прогнавъ тьму нощи пробуждала природу. Все казалось изящнѣйшимъ въ глазахъ Ольги; всѣ дары Творца очаровывали ея чувства — ей мнилось, что она въ первый разъ жизни своей любуется природою, и конечно по тому, что начала познавать Того, Кто есть всему начало и конецъ, Кто есть податель благъ; и източникъ всѣхъ совершенствъ! Пришедъ въ свой станъ, обратила путь свой къ Кіеву. Не много времени бывъ тамъ и учредя должный порядокъ, шествовала она къ Новгороду. На дорогѣ идучи къ своей столицѣ, узнала она о нѣкоемъ Христіянскомъ отшельникѣ поселившемся близь сихъ мѣстъ — оставивъ своихъ воиновъ съ юнымъ Святославомъ въ недальнемъ разстояніи пошла она одна къ святому пустыннику. Въ смиренномъ видѣ постучалась у дверей его пещеры: вдохновенный небомъ мужъ уже предвѣщенъ былъ Духомъ о ея приходѣ; онъ встрѣчаетъ ее съ братскою любовію и христіян-

скою кротостію. Тутъ беседовала съ нимъ Ольга, онъ просвѣтилъ умъ ея свѣтомъ истины и научилъ познанію вѣры. — Сей святый мужъ открывая ей таинство божественнаго закона и мудрость Евангельскаго ученія вѣщалъ ей тако · *О дщерь моя! все, что ты ни зришь вокругъ себя — все напоминаетъ тебѣ Творца твоего, Творца вселенной, котораго прославляютъ не только всѣ живущіе на земли — но и самыя бездыханныя вещи являютъ славу Господа міровъ! Спаситель твой, сей именуемый Христосъ, опредѣленный превѣчнымъ совѣтомъ мудрости Господней быть Искупителемъ міра, есть твой истинный Богъ! Прежде вѣкъ во славу нашу предназначенный — вѣруй въ него и ты блаженною пребудешь. Бога никто же видѣ — но единородный сынъ Его, сый въ лонѣ Отца, той Его исповѣда. Сего воплотившагося для спасенія нашего Христа многія блаженныя мужи и жены удостоились зрѣть — Его ученіемъ мы живемъ — и таковое ученіе не есть ли свято и изящно? Оно произходитъ отъ самаго міровъ Державнѣйшаго Владыки — сему ученію соизволилъ трехъ - личный соборъ Августѣйшаго Божества — оное запечатлѣлъ Спаситель нашъ своею кровію изліянною на крестѣ для спасенія нашего — виждь дочь моя! колико возлюбилъ Богъ міръ — яко и сына Своего единороднаго далъ есть ему — Territory Коликою обя-*

заны мы Ему благодарностію — сколь много должны исполнять волю Его. Да подастъ тебѣ Духъ Святый утѣшитель Христіянъ, нужное мужество и мудрость просвѣтить твой народъ. Помни о дщерь моя! и настави въ томъ подданныхъ твоихъ — что всякъ вѣруяй въ Спасителя міра не погибнетъ, но имать животъ вѣчный — всякъ любяй Его и творяй добро спасется, ибо Богъ послалъ сына Своего не судить міръ, но спасти его. Послѣ священнаго крещенія сего живаго источника ведущаго тебя въ животъ вѣчный покланяйся Господу духомъ и истиною; благочестіе и добродѣтель достойною тебя того содѣлаютъ. Въ книгѣ Судебъ начертаны имена истинныхъ дѣлами и вѣрою Христіянъ! Твое же обращеніе о мудрая Ольга! споспѣшествуетъ и обращенію тысящи колѣнъ народа твоего — тобою заблуждшія сіи овцы внидутъ въ царствіе живота. Нетлѣнный вѣнецъ славы тамъ тебя ожидаетъ! Естьли же искушенія и напасти постигнутъ тебя посреди поприща твоего — то бодрствуй и уповай на Бога! знай — что судъ его исполненъ правды и милости, слезы текущія изъ очесъ нашихъ обращаютъ къ намъ милосердіе Его. Естьли же возгрѣмитъ Онъ во гнѣвѣ своемъ и захочетъ тебя поразить, тогда съ благоговѣніемъ взирай на вину твою и призывай имя Господа! Ахъ! — безъ сомнѣнія Онъ

тебя спасетъ, ибо на какой членъ тѣла твоего громъ Его падетъ, который бы не окропленъ былъ кровію сына Его! Таковое поученіе усовершенствовало вѣру Ольги и она вознамѣрилась идти въ Царь - градъ принять всенародно крещеніе отъ рукъ Греческаго Патріарха, дабы чрезъ то дать примѣръ народу своему; она знала, что величественныя зрѣлища много дѣйствуютъ надъ чувствами людей. Примѣръ Грековъ и ученіе ихъ способными казались ей наставить въ христіанствѣ ея Славянъ что и исполнилось. На мѣстѣ же свиданія своего съ наставникомъ своимъ основала она градъ Псковъ, какъ памятникъ коснувшіяся до серца ея благодати.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Духъ злобы, древній врагъ человѣковъ, завиствующій блаженству ихъ и всегда противящійся съ начала вѣка волѣ Всевышняго, низверженный имъ въ жилища вѣчной печали и муки, отчаянный въ прощеніи своемъ, онъ рветъ оковы свои и скрежещетъ зубами, алкая похитить нещастныхъ смертныхъ и содѣлать ихъ причастниками вѣчнаго страданія, и гнѣва Божія! Узрѣвъ обращеніе Ольги и видя, что чрезъ то, безчисленныя народы отъ власти

его отпадшими быть могут, потрясся на огненном своем престолѣ и весь адъ заставилъ возтрепетать. Всѣ подвластные ему духи съ ужасомъ предстают ему: каждый изъ нихъ представлялъ разные пороки; иные въ видѣ скорпіевъ, то есть: коварство и ложь; другіе обвиты шипящими зміями были подобіе злобы; духи сладострастія источали повсюду за собою ядъ; зависть подъ видомъ саламандръ бросала за собою стрѣлы и устилала пути свои огненными ручьями, ей сопутствовали злорѣчіе и клевета; сія послѣдняя ужасными своими цѣпями со стономъ изрыгая богохуленія заставляла потрястись и самое мрачное жилище бездны. Измѣна, хищеніе, убійство, гордость, клятвопреступленіе и тому подобные пороки — каждый въ ужасномъ видѣ представился царю своему. Главою сихъ гнусныхъ полчищъ ада было, безбожіе и буевѣрное изступленіе, коихъ зракъ даже и самому начальному духу злобы ужаснымъ быть казался; ихъ сопровождали печали, уныніе, горести, сѣтованіе и отчаяніе въ видѣ гнусныхъ духовъ. Обратя взоръ свой съ яростнымъ стономъ падшій аггелъ на подвластныхъ себѣ, горько возстеналъ и врата адовы потряслись; все унылое и проклятію Божію преданное сіе жилище наполнилось ужасомъ и рыданіями. Тогда рекъ гнусному сему сонмищу

врагъ человѣковъ. *Послѣднее наше владычество близко къ паденію своему, уже изгнано вездѣ идолопоклонство, единые Славяне были еще преданы намъ, но и тѣ уже нынѣ на пути обращенія къ Разпятому. Вскорѣ никто насъ знать не будетъ; идолы обиталища вѣрнѣйшихъ нашихъ духовъ, будутъ низринуты, и сіи презрѣнные смертныя вкусятъ то блаженство, которое отказано намъ. Духи гордости и зависти, вамъ болѣе должно всѣхъ препятсвовать сему обращенію — безвѣріе и лицемѣрство сопутствуйте имъ. Возмутите кипящія волны Чернаго моря и Геллеспонта, воздвигните бури и сокрушите противныя власти нашей суда Славянъ шествующихъ въ Царь-градъ; — да погибнетъ Ольга и не достигнетъ желаемаго ею крещенія! — съ смертію ея, еще владычество наше надъ Славянами продолжится и мы восторжествуемъ надъ тираномъ угнѣтающимъ насъ:* Изрыгая таковыя богохуленія зміи главы его воздымались, пламя клубкомъ изъ мерзскихъ его устъ въ видѣ огненнаго столпа выходило и наполняло адъ смрадомъ и ужасомъ. Тартаръ возстеналъ и духи по вселенной въ видѣ огненныхъ явленій разпространились.

Между тѣмъ блаженная Ольга прибывши въ Новгородъ и поручивъ младаго Святослава почтенному Свентельду, и храброму При-

шичу, приведя въ порядокъ государственныя дѣла уготовливаетъ свое шествіе; она поручаетъ покровительству мудрыхъ друзей своихъ народъ и паки отправляется въ царствующій градъ свой Кіевъ, куда прибывъ, повелѣваетъ изготовить для себя суда; она избираетъ себѣ вѣрную дружину сопутствовать ей. Обоего пола знатнѣйшія вельможи Славянскія съ радостію слѣдуютъ за нею, не зная ея намѣреній.

За день до своего отъѣзда, она призываетъ къ себѣ приближенныхъ своихъ и открываетъ имъ что предпринять намѣрена — тогда возрощенные въ идолопоклонствѣ Славяне возмутились духомъ; но мудрая Ольга краснорѣчіемъ дѣйствующей въ ней благодати и укрѣпляема духомъ истиннаго Бога, открыла имъ гнусность идольскаго служенія и наставила ихъ познать свѣтъ откровенія, и блаженство вѣрующихъ въ божественнаго Искупителя. Славяне пали предъ ней, имъ казалось зрѣть ее въ сіяніи, и подлинно глаза ея блистали необыкновеннымъ блескомъ, зракъ лица ея подобенъ былъ зраку Ангела благовѣствующаго благодать, коею всѣ тутъ бывшіе осѣняемыми почувствовали себя и Духъ Божій коснулся сердца ихъ.

Волны шумящаго Днѣпра разкрылись и дали мѣсто благоговѣйному соборищу обра-

щенныхъ Славянъ. Ольга простясь съ Кіевлянами и поручивъ ихъ вѣрному вельможѣ съ помощію Господа отправилась въ путь, ведущій ее ко спасенію. Отплывъ довольно, она приближалась къ бурному Геллеспонту — гдѣ благополучный вѣтръ ожидалъ ея; но лишь только суда Славянъ коснулись открытаго моря, то разсѣянныя по вселенной духи воздвигли ужасную бурю. Небо покрылось черными тучами, кипящія волны воздымались и досязали облаковъ — съ ревущимъ шумомъ паки упадая въ море они покрывали бѣлою пѣною едва уже плывущія суда. Громовыя стрѣлы и блескъ огненной молніи освѣщали повсемѣстную тьму и тѣмъ паче ужасали гибнувшихъ нещастныхъ мореплавателей отчаявшихся въ животѣ своемъ. Вся вселенная казалась быть въ огнѣ и мракѣ. Славяне уже считали себя низринутыми въ бездну страшнаго моря — вся природа находилась въ волненіи и кормщики судовъ потерявъ путь уже править ими были не въ состояніи — изнеможеніе и ужасъ овладѣлъ всѣми; веревки рвались и мачты ломались съ громкимъ трескомъ, разсѣдавшіеся каменья горъ стремились на тонувшія — суда и съ свирѣпымъ свистомъ буйнаго вѣтра разбивая ихъ, увлекали въ крутящуюся пучину морской бездны.

Съ смиреніемъ и покорностію предѣлу Всевышняго, обратила Ольга очи свои горѣ, съ

благоговѣніемъ укрѣпленнымъ святою надеждою молила Творца вселенной усмирить грозную стихію и довершить благополучно начатый ею путь. Приникъ съ милостію къ моленію ея Владыка, близкій ко всѣмъ призывающимъ его съ вѣрою, и сѣдящій на небесномъ Престолѣ Господь всѣхъ, повелѣваетъ Архангелу Михаилу воеводѣ Ангельскихъ силъ, страшному побѣдителю Геенскаго врага, не разъ уже его низвергшему, летѣть на помощь ко Славянамъ; Господь рекъ: и Архистратигъ осѣняя блистающими крылами бѣдствующія суда Ольги, низлагаетъ грознымъ оружіемъ своимъ бунтующихъ духовъ; онъ низпосылаетъ ихъ въ бездну ада, и безсильныя противустоять Верховному Владыкѣ, сіи — презрѣнныя духи съ ропотомъ, злобою и скрежеща зубами удаляются въ опредѣленное имъ жилище вѣчной смерти.

Миновалась ужасная буря, небо очистилось, благорастворенный воздухъ, предвѣщающій присутствіе спасительнаго Ангела, оживилъ блѣдное чело Славянъ, мертвѣющія ихъ ланиты покрылись жизненнымъ цвѣтомъ и надежда возродилась въ серцахъ ихъ. Возблагодарила тогда Ольга изъ глубины души своей помощь Всевышняго и утвердилась еще болѣе въ вѣрѣ своей.

Востенала адская власть отъ безсилія своего, но упорствующій начальникъ сихъ тем-

ныхъ силъ рѣшился противиться волѣ Всевышняго! и присоединя всѣхъ подвластныхъ себѣ духовъ умыслилъ послѣдюю еще злобу оказать вѣрнымъ Господу Славянамъ. Онъ повелѣваетъ разрѣшить отъ узъ наихитрѣйщаго и злѣйщаго изъ всѣхъ жителей ада, который съ начала вѣка подъ стражею лютѣйшихъ духовъ содержался. Кровавая пѣна смѣшавшаяся съ ядомъ точилася безпрестанно изъ страшнаго его зѣва, огненныя стрѣлы металъ онъ изъ очей и заражалъ гибельнымъ дыханіемъ своимъ подземную область бездны; онъ наполнялъ плачевную юдоль сію ужасомъ и стономъ. Сіе чудовище называлось буемудріемъ. Призвавъ къ себѣ властитель тартара сего раба злобы, повелѣлъ ему отлетѣть въ предѣлы Царьграда къ обитающему тамъ хитрому чародѣю Іегдаю, наставить его и вспомоществовать ему въ воспрепятствованіи Ольгѣ приближиться къ сему граду, или погубить ея и всѣхъ Славянъ.

Величественное свѣтило дня обошедъ все полукружіе земной нашей гемисферы готовилось благотворнымъ свѣтомъ своимъ обрадовать жителей противуположныхъ намъ. Пурпуровыя лучи его оставляя нашу землю обѣщевали ей вмѣсто себя сребровидное свѣтило царицы нощи и покрывали яхонтовымъ цвѣтомъ гладкую поверхность моря, коего пріятная ти-

шина успокоила упомленныхъ Славянъ и Ольга съ судами своими приближалась къ предверіямъ Константинова града — она достигала уже Марморнаго моря, какъ вдругъ узрѣвъ, что судно ея начало течь и недоумѣвая, что въ семъ случаѣ начать, обращала взоры свои по ближнимъ берегамъ. Внезапу представляется ей дивное зданіе украшенное искуствомъ никогда еще Славянами не видѣннымъ — златая рѣзьба и гранитовыя столбы съ плѣняющимъ великолѣпіемъ поддерживали оное и изумляли взоръ; на куполѣ его разныя баснословныя изваянія поражали воображеніе; пріятнѣйшая гармонія соединенная съ прелестнѣйшими голосами достигаетъ слуха Славянъ и очаровываетъ всѣ ихъ чувства; благоуханіе цвѣтовъ и курящихся ароматовъ плѣняетъ взоръ невиннаго народа не въ пышности, а въ кроткихъ удовольствіяхъ воздоеннаго. Сама Ольга съ удивленіемъ и пріятностію поражается таковымъ зрѣлищемъ. Врата изящнѣйшаго сего зданія отворяются и нѣсколько юнотей и красивѣйшихъ дѣвъ великолѣпно одѣтыхъ и звукомъ инструментовъ сопровождаемыхъ съ разноцвѣтными вѣнками и плодами выходятъ изъ оныхъ и приближаются къ Славянскимъ судамъ. Самъ чародѣй Іегдай въ видѣ почтеннаго мужа яко владыка замка предшествуетъ прелестную сію толпу. Онъ под-

ходитъ къ Ольгѣ, обѣщеваетъ устроить ея суда и дать отдохновеніе ея сопутникамъ, предлагаетъ ей гостепріимство и убѣдительно проситъ ея посѣщенія въ его замокъ. Обвороженная Ольга чародѣйствомъ хитраго Іегдая соглашается выдти на землю и успокоиться въ прекрасномъ зданіи взоръ ея привлекающемъ. Бесѣда Іегдаева наипаче призывала ее исполнить предлагаемое имъ, Славяне оставляютъ свои суда и шествуютъ за начальницею своею въ гибельное жилище сооруженное адскими духами. Подъ видомъ почтенной жены духъ буемудрія встрѣчаетъ ихъ у вратъ замка и вводитъ въ оный. Тутъ забавы и роскошная нѣга ожидали владычицу Новагорода; она и сопровождающія ея Кіевляне уже не съ тою вѣрою и стремленіемъ Христіянской любьви къ желаемому ими граду поспѣшаютъ; едва уже помнили они о предпріемлемомъ ими пути. Когда же часы забвенія проходили и Ольга поспѣшала къ пути своему, то коварный духъ собесѣдующій ей и надзирающій надъ дѣлами и мыслію ея хитросплетенною рѣчью и лицемѣрною ласкою удерживалъ ее отъ того. *Къ чему спѣшить тебѣ ко граду Константинову о мудрая Княгиня!* вѣщалъ онъ ей, *бесѣдуй съ нами, вкушай невинныя забавы и успокойся отъ тяжкаго пути. Но почтенный другъ* рекла ему Ольга, *я ожидаю тамъ священнаго крещенія и жаж-*

ду скорѣе быть Христіянкою — долго томилась душа моя подъ бременемъ гнуснаго идолопоклонства отрадою себѣ лишь почитала жестокія дѣла звѣроподобнаго иройства. Но теперь просвѣщена будучи благодатію лишь только я ищу себѣ спасенія и сладости обмыть душу свою священною водою — сіе великое таинство одно лишь способно даровать мнѣ спокойствіе на сей землѣ и блаженство въ будущей жизни — однимъ словомъ спѣшу быть послѣдовательницею Хріста моего; и ты почтенная жена, естьли истинно любишь меня, то не удерживай въ благомъ намѣреніи моемъ. — А развѣ ты не есть Христіянка? прервалъ ее злобный духъ, *довольно уже что ты ею называешься, крещеніе есть ничто иное какъ пустой обрядъ выдуманный суевѣріемъ. — По что тебѣ въ унижающемъ величество твое видѣ, предстать гордымъ Грекамъ. — Повѣрь мнѣ какъ другу твоему, что въ Царь - градѣ предстоитъ тебѣ опасность; я извѣстна, что Константинъ давно завиствующій силѣ народа твоего хитрымъ образомъ желаетъ тебя погубить и содѣлать Славянъ рабами своими — оставь, оставь намѣреніе твое и побывъ нѣсколько съ нами обрати путь свой въ отечечество твое. Тамъ ты исправляй вѣру тобою принятую и подобно великимъ и славнымъ женамъ прежде тебя царствующимъ, дай пол-*

ную свободу народу твоему вѣрить кому они хотятъ; подъ видомъ Перуна и Свѣтовида они самое всевышнее существо почитаютъ. Таковыми и сему подобными рѣчами разставляло буемудріе гибельные сѣти колеблющейся въ вѣрѣ своей Ольгѣ. Разумъ ея затмѣвался, чувства ослабѣвали и она уже намѣревалась оставить путь свой въ Царь - градъ. Между тѣмъ Славяне ея погруженныя въ сластолюбивыхъ удовольствіяхъ, уже забыли отчизну свою и ближнихъ своихъ; соединясь любовными узами съ прелестнѣйшими дѣвами замка утопали въ своихъ страстяхъ и клялись имъ на вѣкъ остаться въ гибельномъ семъ жилищѣ. Мужественные Славяне лутчими своими друзьями не могли бы быть тогда узнаны, вмѣсто военныхъ доспѣховъ облечены они были въ багряницу — главы ихъ умащены благоуханнымъ елеемъ и увѣнчаны цвѣтами — чело ихъ прежде блестящее мудростію казалось женоподобнымъ — нѣга и безпрестанныя удовольствія разслабивъ ихъ чувства погружали въ сладостную роскошь и предавали гибельнымъ страстямъ. Окружающія Ольгу жены Кіевскіе безмерно ей выхваляли обворожающее сіе пребываніе, не кротостію и цѣломудріемъ уже украшалось ихъ лице — на немъ зримы были безстыдство и наглость жителями замка называемые благородною гордостію приличною

ихъ полу. Погиблибъ тутъ конечно Славяне, вѣра ихъ и сама Ольга, естьлибъ милосердіе Всевышняго не обратило на нихъ ока Своего! Но что возможно противъ святой воли Его? Какая адская хитрость удобна противустоять Всемогуществу предвѣчнаго Отца? Онъ положилъ предѣлъ, чтобъ Ольга просвѣтила Россіянъ и кто осмѣлится прейти оный!

Въ одну ночь, послѣ пріятнѣйшаго дня провожденнаго Ольгою въ наипрелестнѣйшихъ удовольствіяхъ представилось ей видѣніе, въ коемъ узрѣла она себя въ плачевной юдолѣ и жилищѣ вѣчной смерти, гдѣ жестокій мразъ объялъ всѣ ея чувства, долго она искала себѣ убѣжища и прошедъ нѣсколько стадій тяжкаго пути, узрѣла себя предъ ужасною бездною, откуда смрадъ и лютѣйшій огненный пламень безпрестанно изрыгалъ. Вокругъ унылой пропасти сей, взоры ея ничего не обрѣтали, какъ едва движущихся тѣней тяжкимъ стономъ слухъ ея поражающихъ, межъ ними узрѣла она любимыхъ сердцу своему Игоря, Олега, Вадима, и Гостомысла; обрадованная видѣніемъ симъ, она уже позабыла тоску свою и хотѣла броситься въ объятія ихъ; но сіи тѣни грознымъ видомъ отторгали ее отъ себя: *ты забыла насъ Ольга*, съ упрекомъ вѣщали они ей.

Ты обманула надежду нашу и пошла путемъ гибельнымъ; или ты не знаешь, что находишся при дверяхъ ада? Почто медлишь ты плыть къ Царь - граду? Почто неоросилась еще священною водою, бѣги изъ ужаснаго жилища, которое путемъ сладости ведетъ тебя къ вѣчному отчаянію. Тогда тѣни изчезли и Ольга съ горестію возрыдавъ пала ницъ на землю, и призвала въ помощь свою безсмертнаго! востававъ узрѣла предъ собою прекраснаго юношу осѣняемаго злашовидными крылами. Онъ беретъ ее за руку и приводитъ въ чертоги безсмертныя славы. Се рекъ онъ ей, *обиталище по смерти въ добродѣтели приспѣвшихъ душъ, а найпаче Христіянъ, кои обще съ вѣрою дѣлами своими Господу міровъ угодили. Будь достойна Ольга сего жилища, уничтожь мужественно ковы вѣчнаго врага; поспѣшай къ святому крещенію и учини Славянъ Христіянами.* Пришедъ въ восторгъ отъ дивнаго сего видѣнія Ольга проснулась . . . . Но! о чудо . . . . . . Она зритъ уже предъ ссбою не въ сонномъ видѣніи, а въ самомъ существѣ юношу подобнаго ангелу, коего зракъ столь много ее восхитилъ. *Кто ты божественный* въ удивленіи возопила Ольга? и уже готова была пасть съ почтеніемъ предъ нимъ . . . . . . Но юноша удержавъ ее съ пріятностію, рекъ ей: *Я есмь подобный тебѣ смертный о Княгиня Славянъ! и присланъ*

къ тебѣ отъ Греческаго Патріарха, который просвѣтясь духомъ благодати, и узнавъ гибельную твою медлѣнность шествовать къ священному нашему граду повелѣлъ мнѣ уничтожить именемъ нашего Искупителя тебя окружающее чародѣйство. Замокъ сей есть призракъ Геенской. Съ симъ знаменіемъ, показывая ей на священный крестъ, который держалъ въ рукѣ достигъ я до тебя, замки адовы сокрушились предъ нимъ, и я свободно прошелъ врата жилища сего. О мудрая жена! Все представляющееся тебѣ здѣсь въ прелестномъ видѣ, есть гнусность и мерзость запустѣнія. Идемъ со мною и ты узришь. — При сихъ словахъ, Ольга послѣдовала спасительному сему предшествователю; ослѣпленныя очи ея очаровательною силою, вдругъ благодатію просвѣтились; и она узрѣла вмѣсто того, что прежде ея прельщало повсюду гнусныя зраки, вмѣсто прелестныхъ дѣвъ и красныхъ юнощей увидѣла она предъ собою страшилища, вмѣсто мусикійскихъ орудій ужасныя оружія адскихъ мучителей, вмѣсто цвѣтовъ и ароматовъ представились взору ея смрадныя гады самаго отвратительнаго вида.

Вдругъ весь замокъ наполнился страшнымъ стономъ, ужасный нѣкій шумъ объялъ всѣ чувства Ольги. Она въ безпамятствѣ пала на землю, но животворный крестъ лишь только

коснулся ея устъ; то Ольга ободрилась и воставъ слѣдовала паки за проводникомъ своимъ; они шли далѣе но встрѣтившійся съ ними Іегдай, заклинаніями своими заставилъ потрястись весь замокъ и остановилъ ихъ шествіе. *Куда безумная жена дерзаешь ты итти* вопросилъ онъ Ольгу; *гдѣ суда твои? гдѣ подданныя? все изчезло, ты предана мнѣ по собственной волѣ своей.* — *Да умолкнутъ уста нечестиваго!* провозгласилъ ведущій Ольгу юноша. О торжество Вѣры! О дивная помощь Всевышняго! Іегдай палъ мертвъ и Ольга съ проводникомъ своимъ свободно уже достигала вратъ гибельнаго сего жилища, какъ вдругъ духъ буемудрія уже въ собственномъ его зракѣ представился взору ихъ. Онъ возстеналъ и съ свирѣпою яростію адской злобы бросился на Ольгу дабы ее растерзать; но и тутъ благотворный крестъ остановилъ его и онъ не могши противустоять спасительному сему знаменію расточающему враговъ божіихъ съ страшнымъ шумомъ удалился отъ нихъ. Всѣ бывшія Славяне въ замкѣ погруженныя въ очаровательный сонъ отъ шума сего пробудились и окружили начальницу свою. *Идемъ!* громогласно рекла она имъ — *прочь отъ гибельнаго сего мѣста; здѣсь жилище ада, обратите взоръ свой повсюду и вы узрите мерзость запустѣнія.* Осѣненные благодатію Славяне, почувствовали

силу словъ ея, и возгнушались мѣстомъ заблужденія своего. Вышедъ всѣ они изъ замка съ страшнымъ трескомъ узрѣли его низверженнымъ въ пропасти ада. Мѣсто сіе осталось пусто, и гдѣ находились очаровательныя сады и блистало по всюду великолѣпіе, тамъ на мѣсто сего явилась страшная пропасть, въ коей кипящія воды наводили на всякаго шумомъ своимъ ужасъ и трепетъ.

Ольга въ сопровожденіи святаго юноши и Славянъ достигла благополучно бреговъ Марморнаго моря, гдѣ на мѣсто судовъ своихъ, узрѣла суда Грековъ ожидающихъ ея. Возсѣвъ на оныя, прибыла она благополучно въ обѣтованный градъ, гдѣ на пристани уже ожидалъ ея, со всѣмъ великолѣпнымъ своимъ дворомъ мужественный Константинъ Порфирородный Императоръ Греческаго народа. Свиданіе сіе было съ обѣихъ сторонъ величественно и благоговѣйно. Въ позлащенныхъ и украшенныхъ восточнымъ искуствомъ чертогахъ Константиновыхъ Ольга успокоилась отъ труднаго пути и повѣдала Императору вину пришествія своего. Она бесѣдовала тутъ съ Патріархомъ и приносила ему благодарность за избавленіе ее съ помощію божіею отъ казней вражескихъ, просила его наставить ее въ познаніи истинны и обмыть душу ея отъ грѣховъ священною водою. Радостно внимали симъ ея словамъ оба

знаменитыя ея собесѣдователи. Императоръ назначилъ день крещенія. Храмъ святой Софіи тогда съ великолѣпіемъ былъ убранъ, марморныя уступы онаго устланы были златыми тканьми и усыпаны благовонными цвѣтами — священники съ благоговѣніемъ встрѣтили на оныхъ блаженную Ольгу въ сопровожденіи Императора и Императрицы, при шествіи коихъ въ священный храмъ воспѣли божественныя гимны въ честь подателя благъ! вся площадь покрыта была многочисленнымъ народомъ съ удивленіемъ благоговѣющимъ — самъ Патріархъ ввелъ Ол гу во врата церьковныя. Лице ея сіяло ангельскою кротостію — въ очахъ блистало нѣчто божественное превосходящее всѣ красоты земныя; Ольга будучи воспалена серафимскою любовію къ творцу своему — кромѣ его ничемъ тогда не занималась, но каждаго взоры устремлены были на нее — въ безмолвномъ удивленіи всякой восхищался прелестнымъ ея зракомъ, ангелоподобной добродѣтели и толь пламенной любви къ Богу! Наконецъ великое таинство исполнилось съ приличествующимъ великолѣпіемъ крещенной и крестившихъ; самъ Порфирородный начальникъ знаменитаго народа служилъ ей въ божественномъ семъ таинствѣ вмѣсто отца. Императрица же почтенная его супруга была ей духовной матерью. За крещеніемъ Ольги

Пѣснь 3я стр: 76.

послѣдовало и крещеніе ея Славянъ. Въ самомъ же томъ храмѣ, гдѣ учинились они Христіянами, приняли они и священную Евхаристію. Сей день былъ знаменитѣйшій день Греческой церькви! Сильный народъ содѣлался ея чадами; всѣ жители восточной сей страны радостно признавали сіе произшествіе, которое доставляло имъ могущественныхъ и славою покрытыхъ братій

По окончаніи торжества, дабы въ тишинѣ поучиться въ вѣрѣ, удалилась Ольга въ священную обитель благоговѣйныхъ дѣвъ устроенную на горѣ Атосѣ. Самъ Патріархъ при собраніи многочисленнаго народа ввелъ ее въ оную, гдѣ послѣ поучительной рѣчи, благословилъ духовныхъ чадъ своихъ и отпустилъ ихъ съ миромъ: Оставшись одинъ съ новокрещенною Ольгою, онъ научалъ ее должностямъ истинной Христіянки и добродѣтелямъ, коихъ далъ намъ примѣръ божественный нашъ Искупитель. *Вѣра* говорилъ онъ, *одна спасти насъ не можетъ, когда не сопровождаема добрыми дѣлами. Одно безъ другаго мертво есть! Любить Бога, любить ближняго и исполнять должность свою; вотъ что приличествуетъ тебѣ, дочь моя! вотъ стезя которая устроитъ тебѣ путь къ вѣчному блаженству! Ниспошлетъ тебѣ благословеніе Всевышняго! и вотъ почему докажешь всѣмъ, что ты истинная Христіянка.*

Константинъ часто посѣщалъ блаженную Ольгу, въ уединеніи ея. Пріятность ея бесѣды, мудрый и привлекательный ея видъ, поселили въ Императорѣ къ ней не дозволенное чувство; много разъ уединяясь отъ дѣлъ въ размышленія свои, упрекалъ онъ самъ себя въ раждающейся къ ней страсти, которую уже не въ силахъ былъ преодолѣть. Сколь крайно напоминалъ онъ связующія его узы съ законною супругою, которыя расторгнуть и тѣмъ соблазнить Ольгу казалось ему безчестно знаменитаго его сана, но разсудокъ тутъ молчитъ, гдѣ сердце говоритъ; часъ отъ часу завлекаемъ обладающею всю душу его страстію и будучи воспаленъ сильнѣйшею любовію все существованіе его возмутившею, великій Константинъ наиболѣе прилѣплялся къ кроткимъ прелестямъ скромной Ольги и охладѣвалъ къ Императрицѣ. Ни днемъ ни ночью уже онъ не имѣлъ себѣ покоя, все помышленіе его стремилось къ одному лишь предмѣту. Сонъ бѣжалъ отъ веждъ его и не успокоевалъ воюющихъ въ немъ чувствъ, подъ бременемъ коихъ всѣ дни стеналъ — въ мечтахъ своихъ онъ зрѣлъ единую лишь Ольгу — вся душа его прилѣплена была къ душѣ ея. Онъ стыдился своей слабости, проклиналъ ее — но увы! паки опять къ ней обращался. Сколь слабы смертныя, сколь много страсти владычествуютъ надъ ними! — и сколь часто безумствуютъ

они — считая себя великими — Ахъ! тотъ истинно есть великъ, кто противуборствуетъ страстямъ и преодолѣвъ ихъ приближается къ первобытному совершенству прежде паденія въ грѣхъ Богомъ человѣкамъ назначенному. Много разъ покушался Порфирородный Константинъ открыть пылающую любовь свою Славянской Княгинѣ, но почтенный ея видъ и добродѣтель удерживали его отъ того и приводили паки въ самаго себя.

Таковая борьба страстей ввергнула Императора въ сильную скорбь, здоровье его начало ослабѣвать и вмѣсто обыкновенной его дѣятельности заступило мрачное томленіе. — Онъ призываетъ къ себѣ Патріарха. *Отче мой*, рекъ онъ ему: *я изнемогаю подъ бременемъ томящій духъ мой болезни, исцѣли скорбь души моей и мудрыми твоими совѣтами, услади горкія раны растравляющія сердце мое. Что сдѣлалось съ тобою о Государь!* съ почтеніемъ и состраданіемъ вопросилъ его мудрый наставникъ? — *Я люблю, отче мой ...... Ахъ! что я говорю, я обожаю, горю пламенною страстію къ прелестнѣйшей паче всѣхъ женъ! — Ты Государь! ..... Но кого? ..... Не уже ли великій Константинъ забылъ священную связь супружества? Не уже ли недозволенная страсть посрамила сердце его? ..... О нѣтъ — нѣтъ, этому быть не льзя, твои правила мнѣ извѣстны —*

ты заблуждаешься Государь. — Но кто опасная сія особа? дозволь узнать мнѣ? . . . . . Стыжусь рещи тебѣ священный мужъ . . . . . стыжусь предъ тобою открыть всю слабость души моей — Но ахъ! познай . . . . . . Сія чужестранная Княгиня Ольга . . . . . . При сихъ словахъ Императоръ закрываетъ лице свое и орошающіе оное слезы льются по горящимъ его ланитамъ; онъ потупляетъ глаза, и кажется несмѣетъ возвести ихъ на строгое и страстями никогда не обуреваемое чело своего наставника. — *Какъ Княгиня Ольга? — Возможно ли? . . . . . . Не уже ли и она . . . . . Ахъ нѣтъ,* возопилъ Монархъ, *невинный ангелъ сей участвовать въ страстяхъ не можетъ — ей слабость моя неизвѣстна. — Такъ что же столь сильную любовь поселило въ сердцѣ твоемъ, о мужественный Константинъ? —* рекъ пастырь. — *Не знаю, а только то могу тебѣ сказать, что я самъ паче всѣхъ себя обвиняю, и чувствую сколь страсть моя недозволена. — Такъ оставь же ее. — Не могу. — Ничто питать ее не можетъ. — Все знаю, . . . но лишь одно слово могу только сказать, люблю! — а болѣе ничего. — Давно ли сіе началось? — Лишь только какъ ее увидѣлъ . . . . Я жить безъ обладанія небесныхъ прелестей ея не могу; одинъ взоръ ея райскія прелести наноситъ пылающему моему сердцу. Я бы короною моею и вѣнцомъ пожерт-*

вовалъ любви ея, за одинъ часъ съ нею быть, вѣки жизни моей отдамъ . . . . Развод позволенъ . . . . Умолкни Государь! прервалъ служитель Божій, *довольно, оставь слабость свою, и повергнись со умиленіемъ души, предъ престоломъ Всевышняго! обмой слезами своими твое преступленіе, и будь достоинъ помощи его. Да исцѣлитъ божественный врачь тягости души твоей! Я обще съ тобою милосердую десницу Его подкрѣпляющую смертныхъ призывать буду.* Тогда Патріархъ умоляя о благословеніи Всемогущаго на главу Императора, палъ на колѣна и возвелъ съ сокрушеніемъ сердца очи свои горѣ; палъ и Константинъ въ молчаніи, орошая слезами землю, *Владыко вселенной!* возопилъ Патріархъ, *яко богодухновенный Псалмопевѣцъ Давидъ простертъ ницъ на земли, чистаго сердца и духа прави ниспослать ему просилъ величіе Твое; тако и сей Государь во кротости души своей умоляетъ Тебя державнѣйшаго Владыку подать ему помощь, очистить слабости свои. Царь славы! преклони ухо Твое къ моленію нашему; не отрини кающагося и сотвори благо уповающему на Тя!* Господь силъ! внялъ раба Своего и Константинъ почувствовалъ во внутренности души своей яко цѣлительный Аравійскій бальзамъ разливщійся по сердцу его. — Онъ далъ ему крѣпость и сладостное успокоеніе, отъ тер-

зающихъ его страстей. Се плоды усерднаго упованія на Бога! и благочестія: Блаженъ смертный — таковою молитвою къ подателю благъ возникшій. Таковая молитва углубляетъ въ размышленія и содѣлываетъ человѣка лучшимъ. — Ахъ! почто суеты мірскія удаляютъ насъ отъ таковой бесѣды съ Богомъ, отъ познанія самаго себя и созерцанія природы дѣла рукъ Его истиннаго любомудрія. По окончаніи сей молитвы духъ повелителя Грековъ возвысился, сердце его укрѣпилось и онъ вознамѣрился отпустить Ольгу, которая давно уже отъѣзда своего требовала. Сильный Константинъ содѣлался опять великимъ и рекъ съ твердостію Патріарху: *Иди отче мой! уготовь все потребное къ отшествію обратно, во Славянскую землю Княгини ихъ.*

Одинъ день лишь оставался быть Ольгѣ въ Греческой столицѣ. Порфирородный Императоръ еще проститься съ нею желаетъ; къ сему пріуготовляется пиршество достойное великолѣпія могущественнаго двора славной Греціи. На прелестнѣйшемъ островѣ, лежащемъ при Геллеспонтѣ, гдѣ природа истощила всѣ свои красы, устроено было торжествованіе отъѣзда и прощаніе Ольги съ Императоромъ и Императрицею; но сія послѣдняя бывши одержима болѣзнію не могла за ними слѣдовать; она простилась съ Ольгою во дворцѣ

своемъ; обнявъ ее съ горячностію поднесла въ даръ союзницѣ своей драгоцѣнныя ткани, корону осыпанную рѣдкими каменьями, поясъ и весь уборъ восточнымъ жемчугомъ унизанный. Патріархъ былъ тогда отозванъ на засѣданіе верховнаго совѣта, собраннаго духовенствомъ на нѣсколько стадій отъ града. Онъ отъѣзжая благословилъ Ольгу, — увѣщевая ее хранить законъ и добродѣтели свои. Со слезами чувствительности простилась Ольга съ нимъ, и наконецъ въ сопровожденіи Константина предшествуема всѣмъ Греческимъ народомъ отправилась къ мѣсту прощанія своего, дабы оттуда шествовать въ Славянскую землю. Чрезъ нѣсколько часовъ, прибыли они на Геллеспонтской островъ. Дворецъ онаго украшенъ былъ найлучшею восточною живописью и рѣзьбою. Марморные и порфирные столбы съ богатыми позлащенными изваяніями окружали его. Вездѣ обворожающіе взоръ сады и блестящіе водопады приводили въ восхищеніе всѣхъ тутъ присутствующихъ. Звукъ трубный и наилутчихъ Мусикійскихъ орудій встрѣтилъ знаменитыхъ сихъ посѣтителей. Божественныя голоса сопровождали небесную сію гармонію и погружали въ радостное забвеніе, какъ Ольгу такъ и Императора.

По окончаніи великолѣпнаго стола при восклицаніи народа, Императоръ прогуливался

съ Ольгою подъ тѣнію наилучшихъ и плодами обремененныхъ вѣтвистыхъ древъ; благоуханныя ароматы цвѣтовъ, развѣваемыя пріятнымъ зефиромъ упояли чувства ихъ, съ прелестнѣйшимъ пѣніемъ птицъ присоединялось томное журчаніе прекраснѣйшихъ сребристыхъ водопадовъ. Вдругъ зрятъ они въ морѣ тихомъ, какъ зеркало, нѣсколько изготовленныхъ для Славянъ судовъ, кои казалось призывали вступить въ нихъ, и пользоваться пріятнымъ вечернимъ временемъ. Констанцинъ вводитъ на оныя обладательницу души своей. Ольга въ молчаніи слѣдуетъ за нимъ. Они шествуютъ по Геллеспонту, который кажется съ удовольствіемъ носитъ сіи прелестныя суда по тихимъ волнамъ своимъ едва легкимъ воздухомъ колеблемымъ. Солнце тогда стремилось къ вечернему закату, блестящія златовидностію своею лучи его, покрывали поверхность водъ и освѣщали въ дали пурпуровымъ цвѣтомъ украшенныя сикоморами величественныя вершины горъ украшающихъ сей прелестный островъ; усѣянные цвѣтами берега разносили по воздуху благоуханіе достигающее плывущихъ путешественниковъ; вѣтвистыя деревья наклонялись къ изумруду подобнымъ берегамъ и тѣнію своею покрывали оныя, восточныя ароматы курились на позлощенныхъ судахъ, украшенныхъ богатыми тканьми, на

коихъ играли трубы и литавры; наилучшія пѣнія ангельскихъ подобныхъ гласовъ соединенныхъ съ гармоніею лиръ слѣдовали за ними; найвеликолѣпнѣйшая свита Греческаго двора сопровождали ихъ. Императоръ одинъ на суднѣ своемъ съ Ольгою находился; онъ забылъ всю вселенну, самаго себя и зрѣлъ лишь только одну Ольгу. Томный свѣтъ луны освѣщающій русыя ея власы и прелестнѣйшее лице, еще болѣе казалось придавалъ ей прелестей. *О божественная жена!* возопилъ Императоръ, *естьлибъ ты знала, что чувствуетъ сердце мое? Какъ вся душа моя волнуется, ты бы пожалѣла меня. — Но что сдѣлалось съ тобою, о Государь!* рекла ему съ невинностію Славянская Княгиня! *Я люблю тебя . . . . . О владычица сердца моего . . . . Я обожаю тебя — да будетъ сей часъ послѣднимъ въ жизни моей — и я скажу что жилъ вѣка блаженства. — Естьли услышу что и Ольга меня любитъ — что слышу я, о Государь! возможно ли? — Остановися и выслушай меня,* прервалъ Императоръ, онъ становится предъ нею на колѣна, беретъ ее въ свои обьятія, прижимаетъ къ сердцу и орошаетъ чело ея слезами — горько возрыдавъ Ольга вырывается изъ его рукъ и отдаляется отъ него на край судна — воздымаемы отъ вѣтра власы ея открывали бѣлоснѣжную грудь, нѣжныя руки ея поднятыя къ

небу и наполненныя слезъ глаза еще болѣе придавали ей красы и очаровывали Императора. *Жестокая*, воскликнулъ онъ — *Клянусь жить для тебя одной — я всѣмъ готовъ пожертвовать для любви твоей.* — *Славный Константинъ котораго трепещутъ народы! Мужественный ирой! тебѣ ли быть у ногъ моихъ* Сказала Ольга, *встань и не унижай себя. Я дружество твое предпочитаю всѣмъ богатствамъ міра; союзъ твой мнѣ драгоцѣненъ. — Но — любовь твою отвергаю. — Мы разлучены съ тобою судьбою и закономъ — забудь меня, спѣши къ супругѣ ты своей .... Ольга меня ненавидитъ* съ горестнымъ стономъ вскричалъ Императоръ. — *Нѣтъ Государь! Я люблю тебя, какъ друга — какъ брата моего.* — *Ахъ! естьлибъ ты меня любила, то всѣ могущества свѣта уже разлучить бы насъ болѣе не могли. — Тыбъ была моею — на вѣкъ моею. — Слава твоя и моя добродѣтель вотъ Государь, что разлучаетъ насъ!* Тогда Константинъ паки прижавъ ее къ біющемуся сердцу своему вскричалъ: *Клянусь не разлучаться болѣе съ тобою. — Ты въ отечество свое не поѣдешь, или у ногъ своихъ меня умирающаго узришь.* При сихъ словахъ встрѣчается имъ судно съ новопріѣзжимъ судномъ. Они зрятъ Патріарха предъ собою — присудствіе его обрадовало Ольгу и крайне возмутило Императора. —

Святый мужъ увидѣлъ смятеніе его, у: алъ слабость и съ дружескимъ упрекомъ вѣщалъ ему. — *Что обѣщалъ ты мнѣ Государь? Тако ли великому Константину подобаетъ хранить слово свое. Почто медлишь ты отправить Славянскую Княгиню въ области ея . . . . . . Идемъ въ Константинополь супруга твоя при к нцѣ жизни.* Пришелъ Константинъ самъ въ себя и великій духъ его воспріялъ надъ нимъ верьхъ. Онъ послѣдовалъ за наставникомъ своимъ, воздохнулъ горестно и изъ глубины души сіи извѣстныя слова лѣтописцемъ Несторомъ упоминаемыя тогда сказалъ: *Перехитрила еси меня О іьга.* Онъ простился съ нею и рекъ ей съ сердечною скорбію. — *Ты обманула сладостную мою надежду. — Ахъ божественная Ольга! почто ты мнѣ дала знать себя, твой разумъ хитрѣе моего сердца.* — Онъ вздохнулъ еще разъ,. взглянулъ на нѣе и отправился въ путь свой. *Прости великодушный Константинъ* въ слѣдъ ему сказала Ольга — *помни друга твоего!* . . . . . . глаза ея наполнились слезами чувствительности, она вздохнула и вздохъ ея раснесся по воздоху. — Онъ не достигъ слуха Константинова; но біенія сердца его отвѣтствовали ей. Она простилась съ Патріархомъ называя его ангеломъ хранителемъ своимъ, простерла къ нимъ руки еще разъ. — Простите милые друзья сердца моего, про-

стите она лишь то могла сказать; последнія слова замерли на устахъ ея, слезы оросили лице ея, она простилась съ ними на вѣкъ и потомъ шествовала на судахъ обратно въ отечество свое со всѣми обращенными съ нею во христіянство Славянами осѣняема Спасительнымъ крестомъ и богатыми знаменами Греческими, кои казалось предвѣщали будущее величество и славу Россіанъ! такъ какъ потомству древнихъ мужественныхъ Славянъ; и что начала Ольга, то окончалъ мудрый внукъ ея Владимиръ; который прогнавъ мракъ невѣжества подобно лучезарному солнцу освѣтилъ истиннымъ познаніемъ страны Кіева и Новагорода, коихъ сыны со временемъ познаются всѣми жителями земли по благочесстію и мужеству своему и всякъ взирая на нихъ да скажетъ. — Аще Богъ съ ними! кто же на нихъ!

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Яко блистающая звѣзда, вѣрная подруга сопутствующая благотворному и все оживляющему свѣтилу, грядущая по лазуревымъ сводамъ небеснымъ, встрѣчающаяся съ багряносною зарею увеселяющая смертныхъ и уго-

шовляющая имъ разсвѣтъ предшествующій солнечными лучами озаренному утру; тако и новообращенная сія Христіанка шествовала съ востока подобно въ древности славою покрытому Константину и знаменитой матери его Еленѣ. — Она несла отечеству своему дары вѣры, примѣры добродѣтели, ученіе мудрости и начальныя основанія къ просвѣщенію ведущія и къ познанію благочестія Не столько корабли носящія ее, везли съ собою суетныхъ и гибели подверженныхъ сокровищъ, во Славянскую землю, сколько несла она истинныхъ и нетлѣнныхъ сокровищь вѣры и мудрости; отвергнувъ всѣ прежнія свои слабости и заблужденія шествовала она въ отечество свое съ мужествомъ и пристойнымъ сану ея величіемъ. При святомъ крещеніи, священный Патріархъ наименовалъ ее Еленою, въ память Греческой Императрицы Елены, основательницы Христіянства, мудрой матери великаго Константина. По примѣру сей славной жены и наша Россійская Елена основавъ правовѣріе въ областяхъ своихъ предуспѣла въ добродѣтели и мудрыхъ познаніяхъ Христіянства. Дѣла ея съ сего часа учинились достойными вѣчной славы и похвалы. Не идолопоклонническаго мрака иропнею представилась она очамъ народа своего, но истинною иронею добродѣтели и кротости. Прежнія страсти свои пригвозди-

ла она ко кресту Спасителя и шествовала слѣдами истиннаго пути. Она содѣлалась наставницею Славянъ, ихъ матерію и славою вѣка своего. Законы ея были законы мудрости, а правленіе и справедливость содѣлались источникомъ щастія и благоденствія народа ея. Познаніе Бога и исполненіе божественныхъ должностей, ведутъ къ познанію мудрости: ибо она лишь едина научаетъ смертныхъ исполнять долгъ и обязанности свои — такъ: истинный Христіянинъ всегда будетъ вѣрнымъ гражданиномъ, добрымъ отцемъ, нѣжнымъ супругомъ, истиннымъ другомъ человѣчества, почтеннымъ мудролюбцемъ и украшеніемъ вѣка своего!

Прибывши въ Кіевъ, отпустила она съ достойною честію привезшія ея Греческія корабли: одарила чиновниковъ Константиновыхъ и установила на всегда союзъ Греціи съ Славянскою землею. Первое дѣло ея было вступивши въ владѣніе свое водрузить богоносный крестъ на Кіевскихъ предѣлахъ; она собрала вельможъ своихъ, правившихъ въ отсутствіи ея, разсмотрѣла дѣла ихъ и была оными довольна, ибо справедливость и милосердіе управляли ихъ дѣйствіями, народъ не былъ притѣсняемъ, слабый находилъ въ нихъ свою защиту, а сильный поощреніе къ добру: се плоды благоразумнаго и проницательнаго выбора до-

стойные быть послѣдуемы Монархами. Да впечатлѣютъ они въ сердцѣ своемъ, что мудрый выборъ вельможъ ведетъ народъ къ благоденствію а ихъ ко славѣ! ибо одни достоинства должны доставлять доступъ къ престолу. Многія Славяне по примѣру Княгини своей во внутренности сердца уже жаждали быть Христіянами, но несмѣли показать сего, страшась Свѣтослава еще въ язычествѣ коснѣвшаго.

Она призываетъ къ себѣ Притича и вопрошаетъ его о правленіи Свѣтослава. *Повѣствуй мнѣ вѣрный другъ мой*, рекла она ему, *о дѣлахъ сына моего — будь чистосердеченъ; да не внидетъ лесть и неправда во уста твои.* *Великая Княгиня*, отвѣтствуетъ ей Притичь, *сынъ твой славенъ и великъ; онъ есть ирой нашего вѣка. покоя и роскошной сладости онъ незнаетъ; пища его, есть пища воиновъ его; онъ самъ за всѣмъ тщательно надзираетъ, и едва малое отдохновеніе себѣ позволяетъ. Ложе его есть чистое поле; онъ обитаетъ въ станѣ, и уже слава его прелѣтаетъ найотдальнѣйшія страны. Въ отсудствіи твоемъ побѣдилъ онъ Козаръ повѣствующихъ о себѣ рожденными отъ потомковъ Іафета и славящихся тѣмъ, что произошли отъ нихъ славою покрытыя мужественныя Срацины; обиталище ихъ находится при Подошвѣ Кавказскихъ горъ; повсюду гремѣлъ звукъ о величіи сего народа; за-*

воевавшаго брега Черпаго моря; сильные Императоры были ихъ союзниками, и они обладали областями Херсониса Таврическаго. Светославъ сей младый Князь, победилъ ихъ, унизилъ гордость, опровергъ могущество и сильною своею дланію разсыпалъ многочисленныя полчища сего славою покрытаго народа. Ничто противостоять силѣ его и могуществу не можетъ! Враги его трепещутъ! но друзья любятъ и уважаютъ! Онъ покорилъ Витичей, знаменитую Славянскую отрасль обитающую при брегахъ Оки и Волги. Побѣдоносная десница его, какъ молнія блеститъ и наводитъ страхъ и ужасъ сосѣдственнымъ народамъ Венгріи и Болгаріи, у коихъ завоевалъ онъ нѣсколько городовъ по брегамъ Дуная лежащихъ. Тутъ основалъ въ память своихъ побѣдъ градъ именуемый Переславецъ.

Услыша все сіе Ольга, возрадовалась духомъ о знаменитыхъ подвигахъ сына своего и приписала все сіе помощѣ Всесильнаго творца, потомъ призвала къ себѣ оставшихся въ Кіевѣ чадъ Светослава, между коими былъ милый сердцу ея Владиміръ, котораго воспитаніе взяла она на себя; съ младенчества поселила она въ сего юнаго отрока искру Евангельской благодати и пріуготовила его къ прія-тію истинной вѣры, въ которой онъ преду-

спѣлъ и по возрастѣ своемъ основалъ въ Россіи; сей Владиміръ опровергъ Перуна и язычество, онъ пріуготовленъ будучи Ольгою содѣлалъ сердце свое святилищемъ добродѣтели, дѣянія покрывъ славою и увѣнчалъ царство свое познаніемъ истинны, которую ввелъ въ области свои и подобно благотворной росѣ окропилъ сердца подданныхъ своихъ истиннымъ благочестіемъ, коего плоды въ позднѣйшія времяна содѣлали Россіянъ ироями, всю вселенну удивившими.

Добродѣтель обыкновенно испытуется искушеніями, и когда кто, съ покорностію пред ..у Всевышняго ихъ сноситъ и преодолѣваетъ мужествомъ и терпѣніемъ; тотъ съ торжествомъ отъ оныхъ исходитъ и сіяетъ доблестію паче всего превосходящею. Тако и Ольга подвержена была сильнымъ искушеніямъ и бѣдствію. Воинственныя Печенеги воспользовались отсутствіемъ Князя Свѣтослава и осадили градъ Кіевъ, заключающій въ себѣ его семѣйство, они пресѣкли сообщеніе прочихъ городовъ и селеній съ нимъ, и чрезъ то лишили обитающихъ оный, самонужнѣйшихъ жизненныхъ запасовъ. Гладъ и смерть ожидали Кіевлянъ и Княгиню ихъ. Мужественный Притичь, на коего напали многолюдныя ихъ полчища по другую сторону Днѣпра не могъ защитить ихъ отъ нашествія сихъ варворовъ,

коихъ разсѣявшіяся толпы осадили градъ и оставшимъ тамъ воинамъ противупоставили свои силы; ему все сіе было неизвѣстно; они отдалили его за брега Днѣпра и тѣмъ прервали все сообщеніе съ Кіевомъ; до него же распустили обманчивые слухи, что тамъ все было спокойно. Между тѣмъ бодрствующая Ольга не теряетъ своей твердости и собираетъ совѣтъ; всѣ вельможи съ потупленными очами и блѣдностію на челѣ въ уныломъ молчаніи взираютъ на вопіющій томнымъ и раздирающимъ душу гласомъ народъ, просящій хлѣба, дабы хотя мало утолить пожирающій ихъ гладъ. Ольга не могши сего вынесть, повелѣла опустошить всѣ житницы свои и раздать, что въ оныхъ было страждущимъ жителямъ, сіе было послѣднею надеждою и она рѣшилась умереть вмѣстѣ съ подданными своими. *Естьли чада мои* рекла она *лишены пищи, то и я да не наслаждусь ею и умру съ ними вмѣстѣ.* Всѣ благословляли имя ея, котораго восклицанія раздавались по стогнамъ и смѣшивались со слезами благодарности и стономъ страждущихъ. Съ твердостію увѣщевала она народъ къ терпѣнію, обѣщевала имъ помощь Божію и слезы чувствительности орошающіе лице ея падали на сердца благодарныхъ и обожающихъ ея Кіевлянъ. Младый юноша прелестнаго лица и мужественнаго взора, входитъ по среди

совѣта — предлагаетъ итти къ Притичу, и просить его о помощи въ бѣдствіяхъ страждущаго народа еще ему неизвѣстныхъ. *Но что сдѣлаеть ты?* вѣщала ему Ольга, *воины его отрѣзаны отъ нашихъ, брега Днѣпра раздѣляютъ насъ съ нимъ: непріятель со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ, возможешъ ли ты до него достигнуть? Иду великая Княгиня*, рекъ онъ ей, *спасу отечество мое иль самъ погибну. Все собраніе вельможъ поражено было мужествомъ сего юноши и сама Ольга удивленная великодушіемъ его,* рекла ему: *Иди о младый ирой! къ Притичу, и да упрсвитъ Всемогущій путемъ твоимъ. — Слава о имени твоемъ безсмертною пребудетъ на всегда!*

Повѣдай величественная муза дѣянія сего Россійскаго Курція; пусть не забвенное пожертвованіе сіе собою въ пользу отечества своего останется памятнымъ въ роды потомства, да увѣдаетъ оно, что и Россія не менѣе славнаго Рима вмѣщала въ себѣ великихъ мужей! Славянскій ирой шествовалъ прямо ко стану Печенеговъ, смѣшавшись съ ними и будучи никѣмъ не узнанъ, вопрошаетъ ихъ о потерянномъ имъ конѣ, потомъ безбоязненно проходитъ непріятельскія войска, подходитъ ко брегу шумнаго Днѣпра, и переплываетъ оный въ виду Печенеговъ, кои видя себя обманутыми мещутъ со всѣхъ сторонъ смертоносныя стрѣ-

лы въ него : но Превѣчный оберегающій дни ироевъ охраняетъ онаго и ни одна стрѣла не достигаетъ мужественнаго Славянина. Онъ приплываетъ благополучно къ своему Полководцу, извѣщаетъ его о бѣдствіяхъ Кіева, и о удобной стезѣ пройти къ оному. Притичь воспользуясь нерадивымъ присмотромъ непріятеля забывшаго окружить брегъ рѣки, не медлѣнно на судахъ со всѣмъ храбрымъ войскомъ своимъ переходитъ быстрый Днѣпръ и неожидаемо спасаетъ свой градъ. Печенеги отступаютъ и торжествующая Ольга растворяетъ врата, со всемъ сонмомъ своихъ вельможъ и окружена толпящимся во кругъ ея народомъ радостными восклицаніями встрѣчающимъ спасающаго ихъ Притича выходитъ на встрѣчу къ избавителю своему. Тотъ часъ изобиліе полилось отъ всюду къ Кіеву и оживленные жители сего града благословляютъ Ольгу, Притича, а наипаче съ слезами радостной благодарности и съ чувствами сердечнаго умиленія громогласно воззываютъ имя великодушнаго Славянина возстановившаго ихъ жизнь.

Лишь только Печенеги стыдящіяся быть обманутыми, намѣревались мстить Кіевлянамъ, какъ Притичь распускаетъ слухъ о приближеніи Свѣтослава. Ужасъ объемлетъ ихъ, стрѣлы притупляются, и уже страшныя враги сіи малодушествовать начинаютъ, они требуютъ

мира и по примѣру Омировыхъ героевъ, начальники армій назначаютъ свиданіе и взаимно доставляютъ другъ другу дары дружества. . . . . Но Святославъ приходитъ, разбиваетъ Печенеговъ и доволенъ будучи покорностію ихъ доставляетъ имъ миръ. Ольга обнимаетъ его со слезами родительской горячности и мужественный Святославъ съ чувствительностію лобзаетъ руки матери своей. Истинные ирои всегда умѣли присоединять храненіе долга своего и чувствительности, — сего дара небесъ источника добродѣтелей съ знаменитыми дѣяніями жизнь ихъ прославившими. Сколько ни старялась Ольга убѣждать сына своего воспріять Христіянскій законъ; но на всѣ увѣщанія ея отвѣтствовалъ ей Святославъ: *О мудрая родительница моя! я вижу всю изящность закона твоего, и во глубинѣ сердца моего чувствую всю превосходность твоей вѣры — но признаюсь тебѣ страшусь быть охуждаемъ . . . . . . страшусь посмѣянія народа моего . . . . . и не хочу лишать себя ни довѣренности ихъ, ни почтенія столь нужныхъ для Государя. Оставь это времени, кто знаетъ? . . . . . . можетъ быть одинъ изъ дѣтей моихъ, докончитъ то, что начала почтенная родительница моя.*

Побывши нѣсколько съ сѣмействомъ своимъ Святославъ отходитъ къ брегамъ величе-

ственнаго Дуная; — на семъ мѣстѣ основалъ онъ свое пребываніе. Отвсюду и отъ всѣхъ странъ полились въ Россію дары природы и искуства: Греція доставила ей злато и ткани; Венгрія сильныхъ лошадей и серебро. Россія же въ замѣнъ доставляла владѣніямъ симъ драгоцѣнные мѣхи, медъ и воскъ добычу ея лѣсовъ; она снабжала еще ихъ сѣменами всякихъ родовъ произрастѣнія богатыхъ ея полей. —

Когда настала хладная зима и царица льдовъ возсѣла на замерзшемъ своемъ престолѣ, тогда Ольга почувствовала слабость здоровья своего и предзнаменовавъ приближающуюся свою кончину хотѣла еще разъ увидѣть сына своего; она посылаетъ къ нему гонца и Святославъ занятый побѣдами одерживаемыми имъ надъ сильными Болгарами оставляетъ все и спѣшитъ въ объятія нѣжной матери своей! Онъ пріѣзжаетъ въ престольный градъ ея Кіевъ, гдѣ устроены были ему торжественныя врата яко побѣдителю народовъ и основателю славы Россіанъ! восклицанія торжества смѣшивались съ слезами горести, которой слѣды видимы были на блѣднеющемъ челѣ Кіевлянъ; померкшіе ихъ очи уже не тѣмъ блескомъ радости сіяли, съ коими обыкли они встрѣчать Россійскаго Ахилла своего. *Гдѣ родительница моя?* . . . . . . *гдѣ*, вопрошаетъ съ безпокойствомъ Святославъ? . . . . . Онъ при-

ходитъ къ бѣлокаменному дворцу, восходитъ на позлощенные переходы и подобно пущенной стрѣлѣ изъ сильнаго лука, или такъ сказать, быстрѣе молніи летитъ въ обьятія кончающейся Ольги. Милый зракъ сего возлюбленнаго сына казалось отторгнулъ на часъ смертоносную косу и на нѣсколько часовъ оживилъ страдающую въ смерти Ольгу; жизненное дыханіе паки возвратилось къ ней и она простерла родительскія объятія къ лежащему у ногъ ея Святославу *Благослови меня о нѣжная мать моя!* рекъ ей Славянскій Князь . . . . *Обними меня сынъ мой — и прими послѣднее лобзаніе умирающей твоей матери.* — Потомъ блаженная Ольга обнимаетъ съ горячностію чадъ Святослава, а наипаче Владимира, коего слезами оросила она лице: *Помни сынъ мой*, вѣщала она ему, *помни нас авленія мои, да дастъ тебѣ Всемогущій силу и достойную мудрость основать Христіянскую истину — во владѣніяхъ Славянскихъ; обѣщай мнѣ сіе . . . . и я спокойно умру . . . . Клянусь тебѣ о почтенная мать моя, клянусь въ точности исполнить желаніе твое; я буду Христіяниномъ и осную здѣсь вѣру столь мудрую и прямую. Я довольна*, сказала Ольга . . . . *простите . . . . и оставьте меня теперь одну, съ тѣмъ къ кому итти мнѣ долженствуетъ . . . .*

*

Всѣ удаляются, и Ольга призываетъ къ себѣ служителя Божія, принимаетъ отъ него священные дары и предаетъ духъ свой Господу. Сладостныя слезы благоговѣнія орошали лице ея и она съ покойствіемъ праведника ожидаетъ смертоноснаго ангела. Полночный часъ ударилъ, Ольга успокоилась; внезапу сіяніе славы окружило ея, она слышитъ небесную гармонію и зритъ предъ собою божественнаго зрака дѣву .... *Я Вѣра*, рекла она ей! *вниди сестра моя, въ обитель уготованную любящимъ Бога! Ты удостоилась милости его. — Прими вѣнецъ славы! и успокойся въ нѣдрахъ безсмертнаго отца! Внукъ твой Владиміръ стезями твоими пойдетъ .... Онъ оснуетъ здѣсь истинный законъ и идоложертвованіе престанетъ навсегда въ Русской землѣ, тогда народъ твой просвѣтится и покроется славою на вѣки! .....* *О святая дѣва!* во умиленіи души вѣщала томнымъ гласомъ Ольга, *люблю отечество мое — люблю народъ мой. — Соблаговоли да познаю, что будетъ съ ними по кончинѣ дней моихъ. — Хотя предбудущее закрыто отъ очей смертныхъ не проницаемою завѣсою* — рекла Вѣра, *но Превѣчный волю боящихся Его творитъ и молитвы ихъ слышитъ*, да рекутъ они *славу Царствія Его, и силу возглаголютъ. — Царство Его царство всѣхъ вѣковъ и Владычество Его во всякомъ родѣ и родѣ.*

Пѣснь 4я стр: 101.

Онъ повелѣваетъ мнѣ желаніе твое исполнить. — *Приди и виждь:* Съ сими словами Ольга вознеслась духомъ и ей казалось быть ведомою вѣрою на дивную нѣкую гору; душевные очеса ея разверзлись и она узрѣла предъ собою рѣку временъ. — Восходя по уступамъ горы достигаетъ она вершины оной и тамо чувствуя себя облеченну немерцающимъ прозрачнымъ облакомъ — коимъ будучи окружена возносится, какъ будто, на крылахъ въ дивный и величественный храмъ. — Взошедъ въ оный почувствовала она себя совершенно измѣнившеюся, все смертное ее оставило и небожительное восхищеніе объяло всю душу ея. — Восторгъ благоговѣнія вознесъ ея до Престола Всевышняго; необыкновенная сладость объяла все сердце ея; въ молчаніи созерцая дивное видѣніе сіе она ожидала, что повелитъ съ нею Господь! Вдругъ тишина прерывается многочисленными гласами ангеловъ — сетающіе огнезрачные вокругъ ея серафимы совокупляли пѣніе свое съ небесными духами на прославленіе Всевышняго. — Сладостная гармонія съ небесными ароматами смѣшенная укрѣпила духъ ея и она узрѣла предъ собою завѣсу временъ, съ благоговѣніемъ подошедъ къ ней услышала гласъ: *Зри дщерь моя!* Вѣра отдернула завѣсу и она въ тихопрозрачномъ сіяніи узрѣла незабвенныя дѣла предбудущихъ временъ. Тутъ представился взорамъ ея великій Ярославъ почтен-

ный законодатель Россійскаго народа. — За нимъ слѣдовалъ Дмитрій Донской избавитель отечества своего, который первый нанесъ сильный ударъ на могущественныхъ Агарянъ, святый Сергій близь его находился; *се кто о божественная сестра,* рекла Ольга? *я вижу милаго зрака величественнаго ироя! Это Невскій Александръ,* отвѣтствовала ей вѣра. — *Враги его возлюбятъ, отечество почтетъ и самъ Господь прославитъ!* Третій Іоаннъ и потомъ четвертый слѣдовали за Александромъ, сей послѣдній рекла вѣра *избавитъ Россію отъ ига жестокихъ Татаръ державшихъ ее два вѣка; онъ присовокупитъ царства къ царству своему и на твердой стезѣ оснуетъ владычество свое.* — Вдругъ слезы окропили лице Ольги ужасное кровопролитіе представилось очамъ ея, она содрогнулась и трепещущимъ гласомъ вопросила Божественную дѣву, *Се что? . . . Нашествіе,* *хищное и безбожное,* рекла ей вѣра. — *Се вторгшіеся Сарматы въ предѣлы Россіи.* — *Но утѣшься дщерь моя и зри:* Ольга обратя очи свои видитъ славою покрытаго Пожарскаго, Минина и войски Россіанъ, кои какъ будьто орлы устремленные на дикихъ врановъ гнали лютыхъ враговъ съ лица земли своей. — Москва освобождена и юный Михаилъ ведомый на престолъ почтеннымъ Филаретомъ увѣнчанъ. — Сынъ его знаменитый Алексѣй и

внукъ достойный вѣчный славы и памяти Петръ I глазамъ ея предсталъ. — Безсмертными цвѣтами и лаврами украшена была глава его. — Злашовидный ангелъ съ громогласною трубою парилъ надъ нимъ и вѣщалъ по вселенной безсмертныя дѣла великаго Петра. За нимъ слѣдовали знаменитыя и славою покрытыя Россійскія жены супруга его, дщери и наконецъ подражательница дѣлъ его Великая Екатерина, ея Сынъ и Внукъ . . . . Густая мгла распространилась въ храмѣ, страшный нѣкій шумъ привелъ въ ужасъ всѣ чувства Ольги. — Въ безмолвіи не смѣла что вѣщать, и какъ будь-то воспрянувъ отъ сна услышала вѣщающую вѣру. — *Дивны дѣла Господня! О ужасъ! какого еще со временъ бытія міра не бывало. Взирай дщерь моя, храмы осквернены, святыня поругана, недостойные названія человѣковъ, превышающіе злобою своею адскихъ духовъ; лютые, безумные и кровожаждущіе Галлы, незнающіе ни закона, ни чести ни совѣсти; — раздирающіе единыхъ только слабыхъ и беззащитныхъ, но бѣгущіе и трепещущіе сильной мышцы врываются въ отечество твое. Расхищаютъ все, жгутъ и пьютъ кровь Россіянъ и потомъ караются сильною десницею Всевышняго, вступившагося за святое имя Свое, за честь народа Своего и славу великодушнаго Александра! се царствованіе весьма зна-*

менитое — въ лѣтописяхъ міра незабвенное. — Что вижду? — Россіяне считая себя погибшими не зрятъ среди себя ни славнаго Румянцова, ни знаменитаго Суворова! ..... Грядетъ неистовый врагъ на нихъ, хищникъ Европы — всемирный тиранъ, подлый грабитель съ силою многою....... Я оживаю, рекла въ восхищеніи Ольга: *се кто? Знаменитые ирои Сѣвера* вѣщала вѣра, *Кутузовъ и Витгенштейнъ; сіи мужи сопровождаемые духомъ всего народа, усердіемъ приверженнаго сословія, мужествомъ сильныхъ чадъ Россіи, благочестіемъ и вѣрностію къ законному Царю своему движимыхъ — одинъ подобно Фабію а другой Камиллу славнымъ Полководцамъ Римскимъ извлекаютъ свои мечи, гонятъ и побиваютъ безсильную уже предъ ними толпу гнусныхъ враговъ. — Кои разсѣваются предъ мужественною десницею ихъ, какъ тлетворный вѣтръ отъ сильной бури. Война сія не въ пагубу Россіи обратится, но въ славу ея и въ прославленіе имени Божія! Сильный твой народъ могущественнымъ во вселенной учинится; и десница Александра со славою возможетъ раздавать престолы и вѣнцы. На многіе вѣки Россія пребудетъ спокойною и щастливою — чада ея суть ирои законъ и добродѣтель любящіе; Господь пребудетъ съ ними во дни вѣка. Возрадуйся знаменитый Александръ управляющій славнымъ наро-*

домъ! возрадуйтесь безсмертными вѣнцами славы украшенные великіе мужи спасшіе Россію! будущія времена неизгладимыми чертами напечатлѣютъ имена ваши! храмъ славы ожидаютъ васъ и горящіе къ вамъ благодарностію соотечественники ваши воздвигнутъ вамъ въ сердцахъ своихъ неизгладимый памятникъ вѣчной славы и благодарности! вся вселенная восхвалитъ васъ и Господь благословитъ имена Кутузова и Витгенштейна! Сѣверный Титъ подъ правленіемъ котораго родятся Ирои почтется всѣми превыше всѣхъ царей своего вѣка и слава его въ роды родовъ распространится. Симъ видѣніе окончалось, храмъ незабвенія безсмертныхъ дѣлъ изчезъ, завѣса покрылась непроницаемою тьмою. — Рѣка временъ изгладилась, и божественная дѣва умолкла. — Ольга не зрѣвъ вокругъ себя никого вознесла съ чистымъ сердцемъ усердное моленіе свое ко Престолу Всевышняго! Обще съ нею ангельскій хоръ воспѣлъ. — Лице святой жены осклабилось, слезы умиленія оросили блѣдныя ея ланиты и устремивъ взоры свои къ горному селенію, — она воздохнула .... и сей вздохъ былъ послѣднимъ; душа ея преселилась въ вѣчность и ангелами пренесена была на лоно Авраамлѣ. .... Тако кончаются праведники, кончина ихъ есть преселеніе въ лучщую жизнь и успокоеніе отъ трудовъ міра сего ..... Свя-

всѣ съ поздравленіями своими и увѣщаніями принять ихъ вѣры, присылали къ нему, но онъ избралъ паче всѣхъ вѣру Греческую, ибо Княгиня Ольга приняла ее преимущественною отъ прочихъ. — Обычай же Славянъ, сходственность ихъ нравовъ, ближнее разстояніе земель съ Греками и что вѣроятнѣе будучи съ ними единою можетъ быть отраслію знаменитыхъ поколѣній наипаче привлекли Владимира составить обще съ ними восточную церковь и принять единъ съ ними законъ.

Много разъ Россійскіе ирои сравнивались съ Греческими и Римскими. Во время владѣнія Владимирова, когда сражался онъ съ Печенегами, то не обычайнаго росту одинъ изъ сихъ враговъ подобный звѣрообразнымъ исполинамъ предсталъ предъ воинство Владимира. Гордясь силою своею, ругался Славянамъ и вызывалъ каждаго изъ нихъ сразиться съ нимъ всѣ воины Новогородскаго Князя съ ужасомъ отступаютъ назадъ: *Малодушные!* вопіялъ дерзновенный Печенегъ, *потрясая ужасною палицею своею, уже ли устрашились вы единаго токмо человѣка? Бѣгите же скрыть стыдъ свой во мрачные сіи лѣса и признайте мужественныхъ Печенеговъ побѣдителями своими. Даю еще вамъ сроку, до завтрешняго утра; и естьли между вами достойнаго себѣ соперника не узрю,*

то обще со Княземъ вашимъ учиню васъ рабами моего народа. Онъ умолкъ ...... сраженіе престало и оба противныя войска отдѣлились другъ отъ друга каждый изъ нихъ шествовалъ въ станъ свой.

Ужасна сія нощь была великодушному Владимиру. Онъ призывалъ въ помощь свою тѣнь блаженной Ольги и Вога ею исповѣдуемаго!...... Крики торжествующихъ Печенеговъ достигающіе его слуха, наипаче въ скорбь приводили смущенный его духъ и ослабляли мужество воиновъ его, — кои при дрожащемъ свѣтѣ слабыхъ свѣтильниковъ зажженныхъ трепещущими руками ожидали дневное свѣтило долженствующее озарить рѣшеніе ихъ жребія. По всюду слышны были ихъ томныя моленія. — Они призывали въ помощь ~~своего~~ страшнаго своего Чернобога яко справедливаго мздовоздаятеля дерзскимъ врагамъ стремящимся на пагубу ихъ славы; они умоляли и протчихъ боговъ, взывали имена Буга и Дуная священныхъ ихъ рѣкъ. Стражъ стана медленными шагами обходилъ оный и вопрошалъ каждаго по имени, дабы хотя тѣмъ увѣрить себя, что еще всѣ братія его бодрствуютъ и что завтра можетъ быть многихъ изъ нихъ въ живыхъ не будетъ, или ему и самому рабствовать судьбою опредѣлено. Вдругъ зритъ онъ предъ собою почтеннаго старца ведомаго въ воинскихъ доспѣхахъ

и любопытство смѣшанное со вниманіемъ начертывалось на лицахъ всѣхъ присутствующихъ; единый лишь звукъ оружій прерывалъ всеобщее молчаніе. Печенегъ поражалъ жестоко, но младый юноша искусно удалялся отъ ударовъ его, они падали лишь только на блистающія его латы и поражали златый щитъ охраняющій ироя. Перья его шишака летали по воздоху и тяжелая палица останавливалась на стальномъ изваяніи украшающаго главу его орла. Удары же Славянина покрывали черною кровію одежду лютаго его врага, и онъ какъ тигръ воспитанный въ лѣсахъ горящаго пояса, бросается на младаго своего противника. — Онъ схватываетъ его мощными своими руками желая удушить, какъ нѣкогда Иракль Антея, и уже Печенеги воспѣли было свою побѣду; Славяне смутились, но младый ирой крѣпко противустоялъ врагу своему. — Онъ поражаетъ его какъ молнія копіемъ; ударъ палъ на сердце Печенега и сей дикій исполинъ палъ мертвъ къ ногамъ его. Побѣда сія не менѣе славна была Россіянамъ, какъ нѣкогда побѣда Манлія Римлянина надъ исполиномъ Галловъ. Славяне восплескали руками и воспѣли пѣснь побѣды и славы! Смятенные Печенеги предались бѣгству. Владимиръ погнался за ними побилъ изъ нихъ множество и покорилъ сей народъ подъ иго державы своей. Тако Господь милующій

всегда Россіянъ помогалъ имъ сильною десницею Своею! Онъ подобно Давиду въ поляхъ Филистинскихъ далъ крѣпость и силу юному Славянскому ирою побѣдить новѣйшаго сего Голіафа. — слѣды милосердія его къ отцамъ нашимъ зримы всечасно и понынѣ къ намъ — въ недавнихъ временахъ милующая десница его наказующая насъ — паки поддержала благословенную имъ Россію и содѣлала изъ чадъ ея не примѣръ гнѣва своего; — но образъ неистощимой милости! Онъ покрылъ Россовъ дланію своею и уготовалъ ихъ быть Архистратигами справедливаго гнѣва его, коимъ карая онъ бѣснующихся Галловъ подвергаетъ ихъ мщенію Россіянъ, премѣну дѣлъ всея вселенной устроевающихъ. — Великій народъ опредѣленный быть исполнителемъ воли Царя Царей слава и честь имени твоему! будь достоинъ навсегда толикихъ благодѣяній и потщись заслужить справедливыми дѣлами милости всеблагаго Владыки міра!

По окончаніи знаменитаго сего сраженія Россійскій Князь наслаждался спокойствіемъ и пріобрѣтеніемъ славы мудрымъ правленіемъ своимъ; онъ вступилъ въ бракъ съ Константинопольскою Царевною Анною, сестрою Константина и Василья Греческихъ Императоровъ.

Сей знаменитый союзъ утвердилъ наиболѣе Владимира въ вѣрѣ Христіянской; онъ озарилъ истиннымъ свѣтомъ душевные очеса Князя сего. Низпала вовсе съ оныхъ завѣса мрака идолопоклонническаго и насажденныя въ сердцѣ его сѣмена благочестивою Ольгою оросились благодатію низпосланною свыше на Россійскія земли Царемъ Царей! Она произвела благоуханныя добродѣтелію цвѣты спасительными и мудрыми совѣтами благочестивой его супруги процвѣтщія въ предѣлахъ Славянскихъ! Солнце вѣры блеснуло въ сердцахъ подданныхъ его и великій Князь сей нареченный во святомъ крещеніи Васисій. — Ознаменовалъ царствованіе сіе познаніемъ истины. По желанію Ольги возрадованной тѣмъ въ горныхъ селеніяхъ, Россіяне содѣлались Христіянами и распространя владѣніе свое въ двухъ частяхъ свѣта — покоря многія племена учинились народомъ знаменитымъ славою, просвѣщеніемъ и величествомъ своимъ, они нареклись ужасомъ враговъ и покровителями просвѣщеннѣйшей части свѣта! — Господь пріялъ ихъ подъ кровъ свой и не только сравнялъ ихъ съ мужественнѣйшими народами на лицѣ земли обитавшими но превознесъ ихъ паче всѣхъ! Перунъ погибъ въ волнахъ Болхова, истуканъ Чернобога потрясся

и погрязъ въ струяхъ быстраго Днѣпра. Шумъ паденія сего навелъ страхъ на жителей и при семъ паденіи клялись Новогородцы и Кіевляне не чтить и не признавать инаго Бога, какъ Бога Израилева! Инаго Господа какъ Спасителя міра! они клялись въ точности не признавать никакого ученія, какъ ученія Евангельскаго! О Творецъ міровъ! соблагослови да останется навсегда ученіе сіе въ сердцахъ граждан нашихъ, а наипаче исполнителей законовъ нашихъ и управляющихъ нами. Избави насъ отъ буйственнаго лжеученія заразившаго гонителей Европы, да не будемъ мы подобны симъ слѣпымъ извергамъ погибель себѣ устроившимъ и всеобщее проклятіе и презрѣніе на себе навлекшимъ. Ученіе Евангельское яко жезлъ Моисеевъ путеводительствовать будетъ нами въ обѣтованную землю уготованную любящимъ Бога и слѣдующимъ путемъ воли Его! Миръ и тишина водворится межъ нами! Страхъ и трепетъ да обладаютъ сердцами сопротивныхъ намъ. Да рекутъ они взирая на насъ: *силенъ Богъ Россійскій, крѣпокъ народъ Его вѣрою и добродѣтелью своею.*

Въ день знаменитаго крещенія Россійскія земли, вѣра преклонила колѣна предъ престоломъ Всевышняго! возблагодарила Его и проси-

ла благословить избранную ею землю. Пресеи ленная въ вѣчность Ольга пала предъ нимъ и освѣтилась радостію ни съ чѣмъ несравненною. Лики ангельскіе на небесахъ воспѣли и сопровождали сладчайшею гармоніею веселящею небожителей гласы на землѣ торжествующихъ вѣру Россіянъ! Серафимы и Херувимы огнезрачными крылами своими воспарили надъ новокрещенными, и Божественнымъ восторгомъ сопровождали росу низпосланной къ нимъ свыше благодати и окруживъ потомъ съ благоговѣніемъ Престолъ Всевышняго, прославили того, кто рекъ: *что на небеси возрадуются болѣе о единомъ обращающемся на путь грѣшникѣ, нежели о девяти праведникахъ никогда непадшихъ. Всѣ добродѣтели въ вышнихъ селеніяхъ обитающія признали ихъ братіями своими и одарили многихъ мужей и женъ народа нашего немерцающею славою и истиннымъ величіемъ. Рачительнымъ храненіемъ долга своего и соблюденіемъ непорочности. таковыми учинились: Петръ, Іона, Филипъ, Сергій, Димитрій и Алексѣй. — Таковыми содѣлались многія изъ Россіянъ, они предуспѣли въ добродѣтели и учинились любезными на сей землѣ и святыми въ будущей жизни, и наконецъ таковыми учинились Россійскіе Патриціи, кои по примѣру Афинянъ и Римлянъ защищаютъ народъ и подвла-*

ɵтныхъ себѣ какъ отцы дѣтей. — Ихъ кроткое правленіе каждаго гражданина, каждаго земледѣльца содѣлало — нѣжнымъ сыномъ отечества, вѣрнымъ подданнымъ своему Государю — усерднымъ къ вѣрѣ Христіяниномъ и героемъ.

Господь міровъ съ пріятностію воззрѣвъ на крестившихся — изрекъ тако: „Сія сѣверная страна на многіе вѣки щастливою пребудетъ. Она достигнетъ высшей славы! Спокойствіе пребудетъ тамъ, и многія колѣна другихъ земель разрушатся и падутъ; она содѣлается владычицею ихъ, и убѣжищемъ странныхъ и злощастныхъ; изобиліемъ своимъ яко мать птенцевъ своихъ, питать всѣхъ приходящихъ она будетъ! Ковы злодѣевъ ея Я разрушу и обращу имъ въ стыдъ и поношеніе желаніе погибели Россіи и подъ кровомъ моимъ хранить ее буду. Богатства ея земли и окружающихъ морей польются источниками въ обширныя нѣдра ея; да не приближится къ ней никакое зло, дотолѣ, покамѣстъ жители ея въ стезяхъ добродѣтели и храненіи закона моего пребудутъ. Естьлижъ и подвергнутся наказанію моему, то Я какъ Отецъ чадъ своихъ смягчу имъ оное, отру ихъ слезы и воздвигнувъ отъ одра горести прославлю паче прежняго; да увѣдаютъ они, что Азъ съ вѣрующи-

,,ми въ мя есмь до скончанія вѣка! О Всемо-
,,гущій подашель благъ! Да совершашся слова
Твои навсегда съ нами. Соблаговоли насъ
содѣлать достойными милосши Твоей, насша-
ви владыкъ нашихъ хранить волю Твою. —
Да шворя судъ и правду возвеличашся они
обще съ народомъ своимъ. Исполнителей за-
коновъ нашихъ научи преподавашь намъ муд-
рые усшавы и шѣмъ содѣлай щасшіе наше.
Подай оружію нашему силу и славу истинную
и доверши шѣмъ спокойсшвіе земли Руской
— Да падушъ шысящи шьмы враговъ вокругъ
знаменишыхъ вождей нашихъ. — Заповѣдай
Ангеламъ Твоимъ хранишь ихъ во всѣхъ пушяхъ
да насшупяшъ они на аспида и василиска и
попрушъ льва и змія. Повели имъ хранишь
помазанниковъ нашихъ во дни и нощи да не-
приближишся къ нимъ никакое зло да увѣда-
юшъ они всесильную Твою помощь и прослав-
сяшъ величіе Твое со всемъ народомъ Рус-
скимъ. Да каждый хищникъ славы сшремя-
щійся на униженіе Россіи подобно ширану
19 вѣка найдешъ себѣ въ оной камень прет-
кновенія и обезсилевъ падешъ и не возсшанешъ.
Соблаговоли о Богъ милосши и щедрошъ! да
каждый изъ гражданъ Россійскихъ пребу-
дешъ въ добродѣшели и справедливо наречеш-
ся Христіяниномъ и чесшнымъ человѣкомъ!

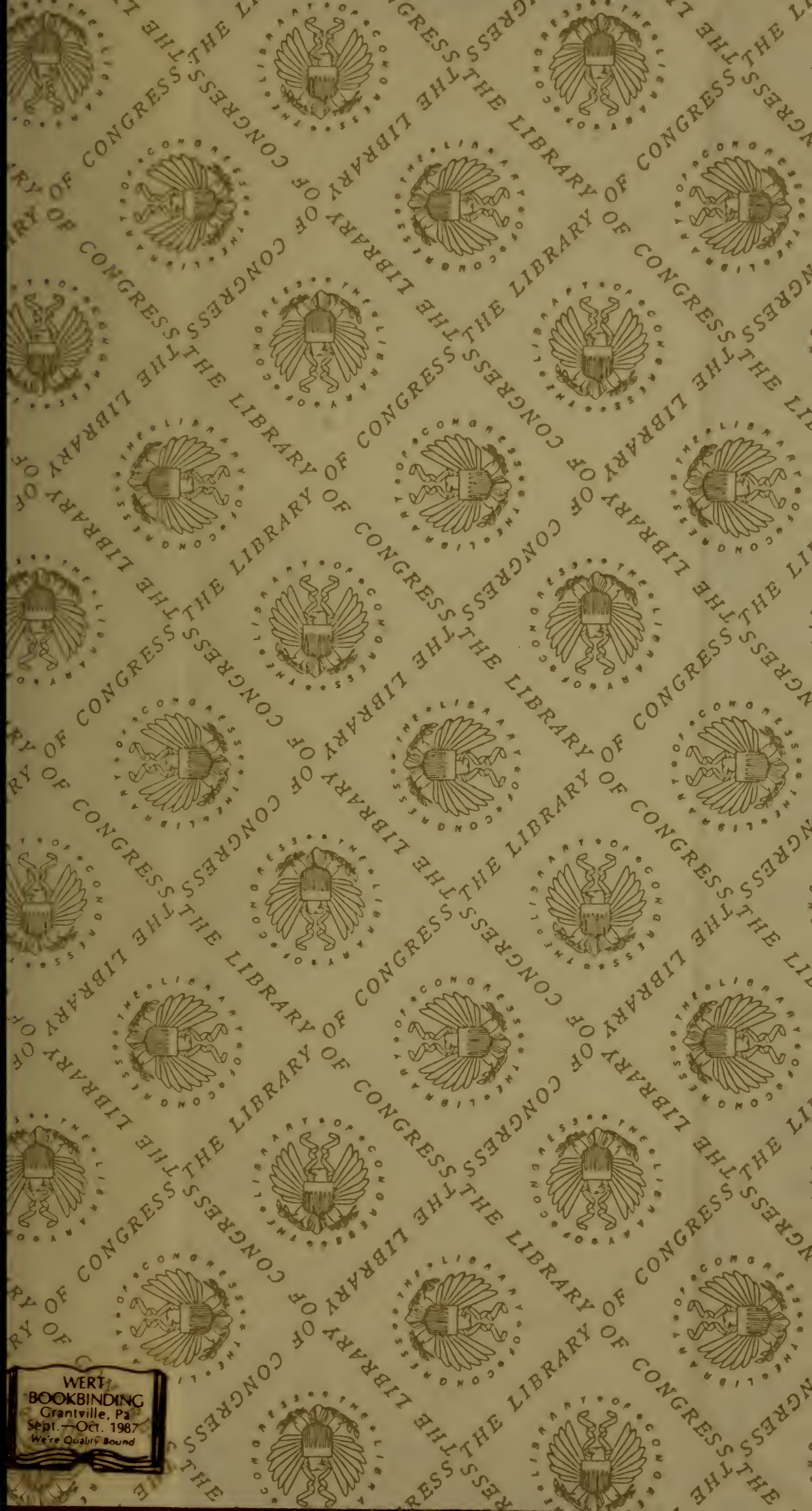
Пусть прочіе народы почтуть насъ и съ благоговѣніемъ изрекупъ: *Се великій народъ любимый Богомъ; онъ живетъ въ вѣрѣ! онъ живетъ въ добродѣтели слава и честь имени его!*

Конецъ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано			*Читать.*
стр.	строч.		
15	9	бесѣдовалъ	бесѣдовавъ
19	7	можетъ быть не доволенъ	можетъ быть имъ не доволенъ
24	25	дѣла его, украсилъ	дѣла его, и украсилъ
25	11	Борнефенъ - -	Борисфенъ
25	15	наложивъ - -	наложилъ
25	15	безсмертныя - -	безсмѣтныя
33	23	Перуни - -	Перуну
38	28	воззывавъ - -	воззывалъ
39	27	добродѣтель - -	добродѣтель его
41	4	тутъ узрѣвъ Ольгу воспламенѣть	тутъ узрѣть Ольгу и воспламенѣть.
42	9	застигаетъ - -	застигаетъ ихъ
44	17	Тропи - - -	Трои
46	22	прервалъ мелчаніе, рекъ онъ:	прервалъ молчаніе, рекъ онъ ей:
44	26	пожали - - -	пожгли
48	13	всѣ - - -	все
52	6	слѣдовали - -	слѣдовала
54	10	нелицепріятнымъ -	нелицепріятымъ
54	29	вмѣщающіи - -	вмѣщалъ
56	2	оживторить - -	оживотворить
56	12	своихъ - -	моихъ
64	26	бунаго - - -	буйнаго
65	8	во сводѣ - -	воеводѣ
75	26	казней - -	козней
76	3	марморныя - -	мраморныя
77	6	признавали - -	праздновали
77	29	что ты истинная -	что ты есть истинная
80	6	чужестранная -	чужестранка
85	2	ангельскихъ - -	ангельскимъ
85	5	сопровождали -	сопровождала
86	26	имъ - - -	ихъ
93	5	покрывъ - -	покрылъ
105	5	ожидаютъ - -	ожидаетъ
106	29	Венгерцовъ Болгѣръ	Венгерцевъ и Болгаръ
108	25	сіи - - -	свои
109	17	въ помощь страшнаго своего Чернобога	въ помощь свою страшнаго Чернобога
118	19	прославсятъ -	прославятъ

THE LIBRARY OF CONGRESS

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa
Sept.—Oct. 1987
We're Quality Bound